

Иван КОСТИН

г. Петрозаводск

Вернулся навсегда

(документальная повесть)

В этой повести читатель познакомится с человеком, чье имя уже при его жизни стало легендарным. Но, к сожалению, на самом взлете своей военной карьеры в середине 30-х годов прошлого столетия он оказался под жерновами политических репрессий. Его имя на несколько десятилетий было вычеркнуто даже из рассказов о тех событиях, которые без его участия сегодня трудно представить.

Эйолф Георгиевич Матсон родился в 1897 году в Финляндии, в Мариехамне на Аландских островах. Его отец был, по одним сведениям, банкиром, по другим — управляющим судовой компании.

Матсон окончил местный лицей и поступил в Гельсингфорское высшее техническое училище. Студентом принимал активное участие в работе социал-демократической партии, будучи ее членом. После поражения революции в Финляндии вместе с отрядом финских красногвардейцев вынужден был эмигрировать в Россию. И в августе того же года он был направлен на Высшие командирские курсы в Москву. Став гражданином России, он вступил в ряды партии большевиков, и партийный комитет Центрального района вручает ему билет № 0958532. После окончания курсов он со своим другом Викингом Сивелиусом отправился в Петроград для преподавания военных дисциплин при подготовке младших команди-

ров среди финских интернационалистов. Имя Викинга Сивелиуса я назвал не случайно. В ходе боевых действий на Заонежском фронте Матсон и Сивелиус будут встречаться не раз, но об этих событиях речь впереди.

После выпуска они оба получили назначение в 164-й финский полк, дислоцировавшийся в Петрозаводске, и в должности командиров батальона направились к месту службы. Их батальоны, сменяя друг друга, действовали преимущественно на Заонежском фронте.

С мая по ноябрь 1919 года батальон Эйолфа Матсона провел ряд успешных операций по освобождению Заонежского полуострова от отрядов Антанты и белогвардейцев. За успешное проведение Лижемской операции Матсон первым из красных финнов был награжден орденом Боевого Красного Знамени. И после завершения основных военных действий на Заонежском фронте он в 1920 году был направлен на учебу в Высшую академию РККА. А пос-

ле ее окончания по запросу местного руководства его назначили заместителем начальника штаба погранвойск Карелии. Одновременно с этим назначением Матсон стал уполномоченным КАРЦИКа и по всем оперативным вопросам подчинялся непосредственно его председателю. Для 25-летнего офицера это было блестящим началом служебной карьеры.

Наиболее ярким событиям военных и служебных этапов жизни Эйолфа Матсона, трагическим страницам его судьбы посвящается эта повесть. Несмотря на все противоречия духовных и идеологических наслоений прошлого века, такие яркие имена не должны быть забыты.

Вернемся ко времени учебы Матсона в Высшей военной академии. Эйолф Георгиевич, выпускник Высших командных курсов с опытом военно-преподавательской работы и, главное, с богатым опытом ведения боевых операций, прибыл в академию весьма подготовленным для успешной учебы, углубления своих знаний. Но даже и этот, небольшой по сегодняшним меркам, двухгодичный срок обучения он не мог использовать, как другие слушатели. Почему? Вопрос далеко не праздный. Если допустить, что занятия начались в начале года, то уже в марте он по распоряжению высшего командования (руководству академии оставалось лишь согласиться) направлен в заграничную командировку на семь месяцев. Это одна из самых таинственных страниц в биографии Матсона, которая для меня отчасти прояснилась совсем недавно. В его личном деле, хранящемся в Петрозаводском архиве, очень кратко сказано, что он выезжал в командировку с делегацией Наркомата иностранных дел Красина – Литвинова в одну из Скандинавских стран.

Делегация первоначально направилась в Лондон. Но возникли неувязки, и она застряла в Копенгагене. Не думаю, что ее основной состав надолго обосновался в этом городе, но сам Матсон, вероятно, провел здесь семь месяцев. Нет сомнения, что, прекрасно зная скандинавские языки, он не сидел сложа руки, а выполнял поручения ГРУ весьма деликатного свойства. Но конкретных следов его тамошней работы отыскать не удалось ни в архивах Министерства иностранных дел, ни в архивах бывшей Советс-

кой Армии. Но ведь на чье-то имя Матсон был просто обязан написать рапорт о проделанной работе! Этот документ, если бы нашелся, многое мог бы прояснить.

Итак, больше половины учебного года прошло в командировке. Мне представляется, экзамены за первый курс обучения ему пришлось сдавать без всяких скидок. Наверняка в академии о командировке знал узкий круг людей, и Матсону пришлось приложить немало упорства, чтобы вместе с товарищами приступить ко второму году обучения.

Новый год начался напряженными буднями в гулких аудиториях и на обстрелянных полигонах. В полевых условиях овладевали новейшей тактикой ведения наступательных операций. Участвовали в смотрах и парадах. Многим из тогдашних выпускников академии это никогда не пригодилось...

Наступило жаркое лето 1921 года. Эйолфа Георгиевича приглашают в Главное Политическое управление Армии, и вновь его ждет отъезд. На этот раз смысл командировки ни от кого не скрывают: он на несколько недель закрепляется за шведской делегацией и становится ее секретарем на Третьем Конгрессе Коминтерна. Здесь он познакомился со многими интересными людьми, в том числе с некоторыми из бывших соотечественников, например, с Айни Куусинен, игравшей уже в те годы заметную роль в международном движении.

Таким образом, и 1921 год для Эйолфа Георгиевича не был годом спокойной академической учебы. Это явствует из его собственных воспоминаний. Во время учебы в академии в 1921 году он был вызван в Кремль к Ленину. В сопровождении коменданта Кремля прибыл в Совнарком. Когда Матсон вошел в кабинет к Ленину, вождь быстро встал из-за стола и энергично пожал Эйолфу Георгиевичу руку. Заговорил на английском языке, кратко объяснил обстановку в стране и в Средней Азии. Матсон поначалу решил, что его хотят направить в какой-нибудь среднеазиатский округ. Он внимательно слушал Ленина и лишь на мгновение останавливал взгляд на худенькой женщине средних лет. Чуть позже выяснилось, что это была вдова американского писателя Джона Рида, журналистка Луиза Брайанд. Потому-то и разговор шел на англ-

лийском. Из истории первых лет Советской власти нам известно, с каким пиететом относился Ленин к Джону Риду, он не мог оставить без внимания просьбу Луизы Брайанд побывать в Средней Азии, чтобы написать несколько статей для американской прессы о событиях в Туркестане. Обстановка там была нелегкая, без надежного сопровождения Ленин не хотел ее отпускать. В качестве спутника для журналистки ему, видимо, порекомендовали Матсона, боевого офицера, владеющего несколькими европейскими языками.

— Сумеете ли, товарищ Матсон, справиться с этой задачей? — спросил Ленин, подводя итог недолгой беседы.

— Я выполню Ваше поручение, товарищ Ленин! — твердо сказал Матсон.

Поездка длилась около месяца. Подробностей о ней, к сожалению, не осталось.

Мрачным эхом через годы отзвучат в судьбе Эйолфа Матсона его действия на Заонежском фронте, и потому хочется посмотреть на эти события более внимательно. Сам он никаких записей о пребывании на Заонежском фронте не оставил. За исключением Лижемской операции, которая в его военной биографии стоит особняком. Но остались воспоминания комиссара его батальона Тойво Антикайнена. Обратимся к некоторым из его записей.

Апрель-май 1919 года. «... *Идет горячий бой. Приходится оставлять метр за метром позиции. Враг наступает. Гибнут люди. Оставлена Медвежья Гора. Англичане высадились на мысе около Шуньги. Там они основали укрепленную базу. Наш батальон получает задание очистить от противника Шуньгу...*»

Отряд Матсона действовал на разных участках фронта разрозненными группами и в течение всего лета лишь несколько раз объединялся для совместных действий. На участке Шуньга — Кажма, пересеченном заливами и озерами, оборону держал небольшой взвод, едва насчитывавший 20 винтовок. Но этот взвод так активно сражался, умело маневрируя, что у противника невольно создавалось впечатление, будто к финским красногвардейцам прибыло свежее подкрепление. Об этом рассказывали перебежчики, число которых с каждым днем увеличива-

лось. Перебежчиками были соплеменники финских красногвардейцев, которые не хотели воевать на стороне белофинских лахтарей и вливались в отряд интернационалистов. Так, помимо ценных сведений о дислокации и боевой мощи противника, взвод неожиданно получил вооруженное подкрепление.

Но вернемся к дневнику самого Тойво Антикайнена. «*Батальон удерживал участок фронта протяженностью до 64 километров. Кузаранда — Великая Нива — Терехово. Белые пытались несколько раз окружить нас, но нам каждый раз удавалось сорвать их замысел*». Антикайнен рассказывает, что около Великой Нивы белые все же окружили третью роту и выбили ее из села. Контрнаступлением наша рота вернула свои позиции. Потом рота была окружена, но вырвалась из окружения без потерь.

Тихое Заонежье не знало тем летом покоя. Бои и отдельные мелкие стычки возникали то за тот, то за другой населенный пункт. На просторанстве от Кузаранды до Великой Губы, иными словами, на расстоянии менее 50 километров, насчитывалось больше 640 интервентских и белогвардейских штыков, противостоящих интернациональным войскам и красногвардейским отрядам. В своих записях Антикайнен не обошел вниманием вопрос взаимоотношений бойцов-интернационалистов с местным населением. Его беспристрастные впечатления позволяют понять настроения людей, состояние их крестьянских хозяйств. В Заонежье в ту пору насчитывалось более 400 больших и малых деревень. Порой и отдаленные хутора таили опасность. Был, к примеру, такой случай. В одну из тихих деревенок бойцы пошли за молоком. Следовало бы провести разведку, но чувство осторожности притупилось, и беспечность обошлась дорого. Накануне деревня была занята белыми. Они заметили бойцов-интернационалистов и впустили в деревню. Те даже купили молоко. А когда стали возвращаться в отряд, лахтари открыли по ним огонь. Красный финн Лиэмитю был тяжело ранен в спину и упал. Белофинны стали к нему приближаться. Чтобы не попасть к ним в плен, грозивший пытками, он вытащил бинт из санпакета, привязал его конец к курку и выстрелил себе в подбородок...

Врагам отважный воин нужен был и мерт-

вым. Они принесли его тело в деревню, чтобы показать своим солдатам: «пуникки» (красные финны) не сдаются живыми, но и сами в плен никого не берут.

Критическое положение в одном из отрядов Матсона возникло в августе 1919 года у деревни Бор Пуданцев. Противник наступал с трех сторон. Один отряд двигался со стороны Шунги, другой — из Толвуи и третий наступал из Онеж-ное озеро. Невдалеке от деревни располагался ряд крупных островов. При необходимости можно было переправиться на другой берег. Комиссар построил отряд, объяснил бойцам обстановку и заверил, что выведет их. Решено было атаковать, выбрав слабое место в цепи противника. Замысел удался, отряд вышел из окружения и соединился в Толвуе с основными силами батальона.

Обстановка менялась непредсказуемо. Отряд зачастую действовал небольшими группами, перемещения были стремительными. Основной базой отряда в первой половине лета была Кажма, но отдельные группы батальона держали фронт по центру полуострова на десятки километров. Выручал в критических ситуациях свой кавалерийский отряд, появившийся внезапно в нужном месте.

Комиссар батальона в своих записях свидетельствует, что, когда со штабом прерывалась связь, иногда даже на несколько дней, местное население способствовало решению тактических задач. Кроме того, помогали местные жители и продовольствием за наличный расчет... И вот еще одно любопытное его свидетельство: *«С продовольствием было хорошо. Местность была зажиточной. Молока и овец было вдоволь. Мы соблюдали советский денежный курс и назначали твердую плату. Когда ту или иную деревню занимали с бою, то в этот день за молоко не платили. Это был своеобразный «военный налог». Всякое самоуправство пресекалось на месте».*

Что же в это время происходило на Климецком острове в Сенной Губе и на соседнем — в Леликове? К лету 1919 года в Сенногубской волости возникла тревожная обстановка. Для защиты местной власти никаких резервов не было. Работники Совета и комиссариата сами несли боевое дежурство. В округе стали появ-

ляться белогвардейские отряды. Отряд финских красногвардейцев во главе с Матсоном прибыл для защиты острова. Бойцы разместились в прибрежной деревне Лонгасы, где ныне находится парожный причал. Сам командир остановился в доме Лысановых на чердаке, а бойцы — на просторном гумне.

В начале августа четверо бойцов-интернационалистов отправились на разведку в Леликово. Расстояние между островами достигало трех километров. Проезжая мимо хутора Ревгуба на Леликовском острове, разведчики были обстреляны белогвардейцами отряда Скачкова. Сам хозяин хутора находился в этом отряде. Один из финских интернационалистов оказался отличным пловцом и, оценив опасность обстановки, прыгнул за борт и поплыл в сторону расположения своего отряда.

Отважный пловец добрался до берега и доложил командиру о печальных результатах разведки. А на следующий день каким-то чудом появился в расположении отряда второй разведчик с рукой на перевязи. Раненый, он сумел добраться до деревни Вертилово, жители которой оказали ему первую помощь, выждали, когда все утихнет, и на лодке доставили к своим. Неизвестной оставалась судьба еще двух разведчиков.

Через несколько дней после этих событий жители Сенной Губы братья Кайкины выехали вечером на рыбалку. Возвращаясь домой, неподалеку от берега заметили полузатонувшую лодку. Подъехали, вытащили ее на сушу. В ней оказались тела двух разведчиков. У убитых были выколоты глаза. Люди были потрясены жестокостью белогвардейцев. У одного из погибших в кармане были обнаружены фотографии жены с детьми, двумя девочками. Фамилии разведчиков люди запомнили: Вяйнонен и Хямляйнен. Похоронили их в общей могиле на сельском кладбище рядом с выездными воротами.

Командир принял решение огнем двух батарей уничтожить опорный пункт белогвардейцев на хуторе Ревгуба, что и было сделано. Мирных жителей там, к счастью, не было, но от построек остались лишь щепки. Жестокая мера, но так на войне всегда: жестокость порождает ответную жестокость, а правым оказывается победитель.

К осени 1919 года белогвардейцы на Заонежском полуострове оживились. Для пополне-

ния своих рядов силой принуждали записываться в отряды местных жителей, брали даже шестнадцатилетних мальчишек. Неповиновение жестоко пресекалось. Случалось, что расправлялись с целыми семьями, сыновья которых служили у красных. Родителей комиссара отряда красногвардейцев Ивана Ширшина из деревни Харлово белогвардейцы после жестоких пыток расстреляли. За смерть родителей Иван Ширшин жестоко отомстил врагам, но об этом особый рассказ. Отряд под его командованием провел много смелых операций, нередко действуя бок о бок с воинами батальона Эйолфа Матсона. Их боевые судьбы еще пересекутся в смертельном бою под Лижмой, где Иван сложит свою непокорную голову в неравном бою, а отряд Матсона сумеет вырваться из смертельного капкана противника.

В Мурманске и в Архангельске стояли корабли военной коалиции — Антанты, главным образом английские и французские. По существовавшему тогда договору, они должны были сохранять нейтралитет. Но, как мы помним из истории, договор был нарушен. Не за тем прибыли к нашим берегам заморские вояки, чтобы любоваться нашей северной природой. Белое движение и само так называемое Северное правительство Чайковского обратились к представителям Антанты с просьбой об оказании помощи не только продовольствием и оружием, но и живой силой. Упрашивать интервентов долго не пришлось. Их войска быстро оккупировали весь Север и почти беспрепятственно продвинулись на Запад, с ходу занимая крупные станции, города и населенные пункты. Работников местных советов и комиссаров расстреливали без суда и следствия. Эти расправы, возможно в несколько меньшей степени, были повторены и в Заонежье.

В конце июля отряду численностью до 50 человек под командованием Тойво Антикайнена пришлось покинуть Толвую и отступить на юго-восточную часть полуострова. Интервенты наступали превосходящими силами. Они заняли Толвую и ее окрестности.

Несколько человек, мобилизованные белыми в Архангельске, в Толвуде сбежали. Один из местных старожилов Иван Фролов вспоминал:

«Идут три бойца. Подошли к нам. По-русски не говорят. Поняли, что это финны из отряда Матсона. Посадил я их на телегу и быстренько доставил в Кузаранду, которая еще не была занята белыми. Они были ранены, и там им оказали помощь. А вскоре после этого, когда к нам на Вырозеро пришли интервенты, английский поручик самолично расстрелял председателя местного Совета Жаркова...»

В августе 1919 года Заонежье вновь бурлило. Во всех крупных селах вспыхивали мятежи против еще неустойчивой власти Советов. Красногвардейцы отстреливались и отходили к Климецкому острову. Там же находились и значительные силы из батальона Матсона. К Сенной Губе стали подходить вражеские канонерки. Дочь Лысанова вбежала к Матсону на чердак и, путаясь в словах, объяснила, что суда белых приближаются к острову. Матсон все понял с полуслова. Дал команду «в ружье!» и стал искать верное решение. С помощью наблюдателей и разведчиков он выяснил, что силы противника значительно превосходят силы отряда. Было принято решение отступить на южную оконечность острова в Климецы, куда уже направлялись работники Совета и комиссариата с семьями и со всеми документами.

А на острове Кижы была выставлена боевая охрана из бойцов интернационального батальона. Она не могла продержаться и дня. Но большинству бойцов все же удалось добраться до своих. Один из них был тяжело ранен и не успевал следовать за товарищами. Он шел, прикрывая рукою живот, чтобы не вываливались внутренности. Между пальцами сочилась кровь. Ему требовалась срочная перевязка. Постучался в двери одного из домов — не открывают. В другом — та же история. Люди были напуганы расправами белых. И все же в одном из домов, где жили брат с сестрой Ульяновы, ему оказали помощь. На столе стоял самовар с горячей водой. Хозяйка промыла бойцу рану, достала из сундука кусок чистой холстины, сделала тугую перевязку и вывела страдальца на дорогу. Раненый чудом успел на последний катер, который взял курс на Петрозаводск.

Но отступление длилось недолго. К середине сентября к острову подошли суда Онежской флотилии, и десанты красногвардейцев

были высажены на разных участках Заонежского полуострова. Отряд Эйолфа Матсона был на краткое время полностью перебазирован в Петрозаводск, поскольку возникали трудности при снабжении его боеприпасами и продовольствием. Однако вскоре батальон вновь десантировался на острове. После короткой передышки и пополнения он вновь был готов к боевым действиям.

Две роты батальона вновь держали прорванный ранее фронт на линии деревень Кузаранда — Великая Нива. Об этом периоде Тойво Антикайнен писал: *«Нашему отряду все труднее было сдерживать натиск превосходящих сил противника. Но 12 сентября совместно с флотилией были задействованы дополнительные силы полка. А когда десант высадился в Войнаволоке (на противоположной от Сенной Губы стороне острова. — Прим. автора), остров был освобожден».*

Осенью 1919 года шестой финский полк находился на переформировке и кратком отдыхе в Петрозаводске. Отдых и не мог быть продолжительным, незадолго до этого интервенты и белогвардейцы перешли к активным военным действиям. Одно из наступлений вдоль Мурманской железной дороги было предпринято на Петрозаводск. Наступавшие овладели Кемью, Сорокой, многими населенными пунктами. На этом пространстве интервенты сосредоточили до 16 тысяч английских, американских и французских солдат. В течение нескольких месяцев шли упорные бои. Интервентам удалось захватить Заонежский полуостров и станцию Кивач, белогвардейские части вплотную приблизились к Петрозаводску. Для отпора этим силам, надвигавшимся с Севера, подобно грозовым тучам, готовились ответные действия. Кроме регулярных воинских формирований, под ружье были поставлены тысячи ополченцев. Создавались рабочие истребительные и саперные батальоны. В этих условиях пригодился опыт десантных операций, не раз успешно проведенных на Заонежском фронте. Одна из них началась 25 сентября в северной части Лижемской губы Онежского озера. От Матсона и его бойцов она требовала мужества и всего опыта предыдущих боев и походов.

Перед началом операции состоялось совещание командиров. Обсуждался единствен-

ный вопрос: как лучше организовать наступление, чтобы быстро и без потерь овладеть станцией Лижма. Было принято решение о высадке десанта в тыл белых. Это была дерзкая по замыслу, но хорошо продуманная операция. Учитывались все возможные последствия. На памяти был недавний горький урок, когда наступление вдоль железной дороги на Илемсельгу завершилось неудачей. Для участия в новой операции были вовлечены второй и третий батальоны шестого финского полка. Онежская флотилия перебросила на захваченный плацдарм второй батальон Матсона, к тому времени получившего широкую известность в войсках и среди населения.

В пятом часу пополудни батальон был развернут в лесу перед станцией Лижма. После короткой перестрелки бойцы примкнули штыки. Последовала стремительная атака. В упор из пулемета бойцы расстреляли резерв противника. В панике неприятель хлынул в лес через полотно железной дороги. С наступлением темноты напряженный бой стих.

Эти сведения почерпнуты из оперативных сводок. Но вот свидетельство самого Эйолфа Матсона. Об этой операции он рассказал в газете «Красная Карелия» в № 225 за 1927 год.

«За последние годы,— писал он,— о Лижемской операции было написано немало, но в этих материалах имеются неточности и противоречия, и необходимо внести ясность в некоторые эпизоды этой операции.

Поздно вечером мой батальон сосредоточен у деревни Кондопога. Перед рассветом мы погрузились на пароходы Онежской флотилии. В деревне Лижма выгрузились в 11 часов. Перед погрузкой мне позвонил по телефону командир дивизии Э.А.Рахья. Поставил задачу по-фински, чтобы окружающие не поняли. В Лижме подошел к крестьянину с лошадью и хотел в приказном порядке заставить его везти наше снаряжение. Но тот отказался под предлогом, что лошадь устала и он только что вернулся из подобной поездки:

- Я все утро возил снаряды и воинские грузы.
- Где?
- На станции Лижма.
- Кому возил?
- Офицер сказал, что это военная команда.

– Много ли их было?

– Так примерно человек 90–100.

Это были ценные сведения о противнике.

До станции было километров десять. В пятом часу пополудни батальон перед станцией был развернут. Лихая атака. Но в 12 дня учебная команда противника была заменена тремя ротами Северного полка. Они были брошены на подавление нашего десанта. Бой под Лижмой решил участь не только нашего десанта, но всего фронта. Белые стали отступать в беспорядке. После этого боя мой отряд был сменен и направлен для участия в новых операциях в Заонежье и в Повенце».

В октябре 1919 года обстановка в Заонежье обострилась. Второй батальон уже в составе всего полка на судах Онежской флотилии десантировался в районе Кузаранды. В полку в этот период насчитывалось 840 штыков, 21 пулемет и 2 пушки. Перед ним стояла задача не только противостоять силам интервентов, захвативших большую часть полуострова, но и выбить их за пределы фронта. Полк на переформировке значительно укрепился. Это придавало уверенность в победе. На судах звучали песни, их не могли заглушить даже порывистый октябрьский ветер и начинавшийся шторм. А в час десантирования небо смешалось с водой. Позади — открытая ширь Онега. Суда втягиваются в узкую горловину Повенецкого залива, здесь волны чуть спокойнее. Приближается лесистый Мягостров. Выступавший его хребет, увенчанный сумрачными елями, издали напоминал сурово ошетилившегося ежа. На острове была установлена вражеская батарея, но десантники о ней не знали. Когда суда приблизились на расстояние выстрела, с острова по ним ударили пушки. Суда сошли с линии огня и, обогнув остров, устремились к берегу. Невдалеке от деревни бросили якоря.

Шлюпок на всех не хватало, многие, не ожидая дополнительной команды, бросались в холодную воду, держа над головами оружие. Батальон Матсона высаживался первым, и от его организованных действий во многом зависел успех не только самой высадки, но и дальнейших событий. Бойцы, достигнув берега, укрывали оружие и боеприпасы и устремлялись об-

ратно, чтобы помочь девушкам. Наряду с мужчинами десантировался и женский взвод под командованием Тойни Мякеля. Многих девушек ребята заботливо переносили на руках. Но война есть война, никто не мог предвидеть, что ждало их впереди.

Об этой непростой операции осталось несколько строк и в воспоминаниях Тойво Антикайнена: *«Мрачная осень. Мы с командиром обходим дозоры. Подбадриваем часовых, которые мерзнут от свирепого холода. Нам предстоит посадка на транспортные суда. Снова путь в Заонежье, в знакомые места. Впервые наш полк идет в полном составе. Знаем, однако, что противник хорошо укрепился и главное сражение придется вести где-то в районе Толвуи. При подходе к Мягострову транспортные суда находились на некотором отдалении от боевых. На острове укрепились белогвардейцы со своими орудиями. Полк получил приказ высадиться в районе Кузаранды. Высылаем разведку. Оказывается, противник оттянул все свои силы. Наш батальон очистил от врага южную и западную части Шуньгского полуострова. Вновь овладели Кажмой. Места знакомые по весенним операциям. А теперь уже все было сковано мерзлотой».*

Бойцы отряда Матсона занимали деревни одну за другой и за несколько дней продвинулись до плавника в северной части полуострова. Словом «плавник» был когда-то назван мост через залив Святуху возле деревни Пабережье. Мост долгие годы был плавучим, отсюда и название. В послевоенные годы он был перестроен, но первоначальное название за ним сохранилось.

Заметного сопротивления на этом участке боевых действий противник не оказывал, и 18 октября отряд уже вплотную подошел к Повенцу. На этом операцию с высадкой десанта в Кузаранде можно было считать завершенной. Но сам район Повенца оказался крепким орешком, и батальон, привыкший за эти дни к легкому успеху, столкнулся с ожесточенным сопротивлением противника.

Несколько наступательных операций на позиции противника, предпринятых одна за другой отдельными группами, прошли неудачно. Предварительно не было проведено глубокой разведки, и можно сказать, что действия носили

слепой, слабо организованный характер. Но в этом руководство батальона винить было нельзя. Накануне из штаба пришел категорический приказ: взять Повенец!

В ноябре для проведения операции батальон Матсона встретился в полном составе. Ему приказано занять позиции и зимние квартиры первого батальона, которым командовал Викинг Сивелиус. Друзья теперь изредка встречаются, и не только в боевой обстановке. У Викинга в походной сумке завалялась бутылка трофейного английского рома. Случай самый подходящий, чтобы ее раскупорить. И хотя оба они интереса к спиртному не проявляли, все же за встречу выпили с удовольствием. В этот вечер они долго не ложились спать, хотя батальону Викинга предстояла ранняя побудка. На тех же прибывших судах его отряд перебрасывался в район Пергубы, где ему предстояло сдерживать натиск наступающего противника. Друзьям было о чем вспомнить.

А между тем батальону Эйолфа Георгиевича предстояла ожесточенная схватка с превосходящими силами противника. Батальон был укреплен бойцами дивизионной школы из отчаянных ребят псковичей. Но сломить сопротивление врагов не удалось. Пришлось отступить с некоторыми потерями. Батальон занял жесткую оборону и стал проводить разведывательные операции. Их данные показали, что любое плохо подготовленное наступление могло привести к гибели многих людей. В штаб ушло донесение, и там было принято решение отправить батальон в Шуньгу.

Десантные суда в Повенецкой губе, кажется, и не покидали своего рейда. Для десантников они уже стали вторым домом. Вновь разместились по тем же тесным кубрикам, обогрелись и впервые за несколько дней по-настоящему пообедали. На душе стало веселее. Их ожидал Шуньгский полуостров и новые боевые походы.

Надвигалась зима. Активные военные действия лета и осени 1919 года измотали силы обеих сторон. Наступило позиционное затишье, изредка прерываемое стычками и беспорядочными перестрелками. И только в Сигово, самой северной точке Заонежского полуострова, проба сил противоборствующих

сторон время от времени вспыхивала с новой силой. Отряд Матсона провел здесь несколько активных операций, и, видимо, ему было приказано овладеть этой деревней, чтобы контролировать дорогу на Медвежьегорск. Трудно сказать, какими силами на этом участке располагали белогвардейцы, но силы эти были значительными. Сигово не раз переходило из рук в руки. Матсон своим личным примером увлекал бойцов в атаку, но решительного перелома добиться не смог. В одном из боев его ранило. Рана, по всей вероятности, была не очень серьезной, он даже не покидал расположение своей части.

Финские красногвардейцы воевали на пределе сил. Но и противник явно выдыхался. Их командование на Севере принимало все меры, чтобы поправить положение. Из штаба Главкомандующего Северной армией адмирала Миллера по войскам был пущен приказ: всех пленных красноармейцев «мобилизовать» и поставить на передовые позиции. А непослушных, как коммунистов и комиссаров, расстреливать по приговору полевых судов.

Это «пополнение» лишь увеличивало число перебежчиков. Немало их стало появляться и во втором батальоне у Матсона. На подступах к деревне Сигово стоял такой «мобилизованный» отряд. Один из «защитников» белого движения перебежал ночью к финским красногвардейцам. Он сумел дать важные сведения о противнике и проявил готовность в ближайшую ночь привести за собой целый взвод. И действительно привел. Так неожиданно-негаданно батальон получил серьезное подкрепление.

У батальона порой выпадали горячие дни, и все же этот период пребывания в Заонежье был для него наиболее спокойным за всю кампанию 1919 года.

А мне припомнился рассказ об этих событиях нашего старого учителя Шуньгской школы. Его рассказ привожу по памяти.

«Около деревни Сигово стояли части белых. Больших боев на этом участке не возникало, но обстановка была тревожной. Поисковые группы красногвардейцев нередко приводили в Шуньгу пленных. Жители не помнят, чтобы кого-то из них расстреляли. Видимо, отправляли дальше по

назначению. Среди них были и убежденные монархисты, и анархисты, и просто люди случайные...

Однажды в штаб доставили офицера Антанты. Не то англичанина, не то француза. Привели к командиру. А пленный по-русски ни в зуб ногой. Командир ему на английском:

— На каком языке предпочитаете разговаривать, лейтенант?

Тот опешил. Ему и дома, и в армии внушали, что красные вояки, включая офицеров, люди мало обученные и в обращении грубые. Что взять с неграмотного мужика, только вчера сменившего лапти на солдатские обмотки, а соху — на винтовку? Под стать им и командиры. И в плен к ним лучше не попадать... А тут, видите ли, ему предлагают выбрать, на каком языке он изъясняться изволит.

— Осмелюсь спросить, — сказал лейтенант на английском. — Где вы так хорошо научились владеть моим языком и почему оказались с этими красными мужиками?

— Нет, лейтенант, это я вас должен спросить, почему вы оказались на этой земле? Приглашения вроде на этот визит от советского правительства у вас нет. А английский я знаю с детства и охотно потолковал бы с вами в другой обстановке о творчестве Шекспира и Байрона. А вот если бы вы в детстве учили русский язык, познали великую культуру этой страны и ее народ, вы едва ли согласились бы состоять в своем так называемом добровольческо-экспедиционном корпусе.

— Но, боже милостивый, — воскликнул пораженный лейтенант. — Что же заставило вас, образованного и интеллигентного человека, идти вместе с большевиками?

— Это долгий разговор, лейтенант, а у меня мало времени, чтобы совершать с вами различные исторические экскурсии.

— Но что же будет со мной? Не расстреляете же вы меня? Я — английский подданный и с этого времени, как пленный, нахожусь под защитой Международного Красного Креста.

— Почему же вы так уверены, что вас не расстреляют? Ведь сами-то вы нас, красных воинов, почитаете за варваров, а местных руководителей Советов и комиссаров расстреливаете на месте. А с варваров какой же спрос?

Пленный офицер заметно погрузтел, испу-

гался за свою молодую драгоценную жизнь. В самом деле, крыть ему на это обвинение было нечем. Немало безвинных душ погубили английские добровольцы из экспедиционного корпуса, прибывшего к нам на Север будто бы с благородной целью выполнить свои союзнические обязательства. Непонятно было, какие чувства боролись в душе пленного, но первоначальная самоуверенность в сочетании с показной чопорностью с него быстро слетели. И он со страхом стал ожидать своей участи молча.

— Расстреливать мы вас, лейтенант, не собираемся. Для вас война окончена, и благодарите за это Бога. А ваша жизнь нам не нужна. Но в штабе нашего соединения вам придется дать различные сведения и показания. Насколько вы будете искренни, это определит вашу дальнейшую судьбу. А пока вы у нас будете находиться под арестом...»

Легенда это или случай, действительно имевший место во время пребывания финского батальона в Шуньге, сегодня установить невозможно. Хочется верить, что все так и происходило. А если так, то, несомненно, пленного англичанина допрашивал сам Матсон, проявивший в разговоре и непреклонную волю, и такт, и объективную выдержку. А английский офицер получил не только хороший урок истории, но и урок нравственности.

Но был в Шуньге случай совершенно обратного порядка, когда воспитанный и образованный английский полковник спас от верной смерти взводного командира красноармейского отряда Якова Татарина, жителя Толвуйского погоста. И этот, прямо скажем, нерядовой случай документально закреплен в книге «В боях за Советскую Карелию», вышедшей в 1932 году, когда цензура еще не была столь свирепой и допускала неординарные примеры. В воспоминаниях активного участника Гражданской войны в Заонежье Георгия Понамарева несколько страниц посвящено судьбе Якова Татарина. В самом деле, судьба последнего сложилась самым невероятным образом.

Летом 1918 года отряд под командованием Ширшина и Трифонова наступал на Шуньгу. Было раннее утро того времени уходящего лета, когда крестьяне начинали есть новый хлеб. В деревне Патрово был престольный праздник —

Петров день. Яков Татаринов, ездивший в деревню Пудожская Гора для раздачи жалования красноармейцам, по пути заглянул домой. Не успел как следует отведать праздничных пирогов и выпить с дороги чаю, как вдруг со стороны деревни Загорье по Патрово началась пальба. Белые наступали стремительно. Сам Георгий Понамарев, тоже уроженец этой деревни, в праздничный день оказался дома. Отчаянно отстреливаясь, он сумел скрыться от преследователей. А вот Татаринова успели схватить. Вначале его решили расстрелять на месте, на виду у родных и всей деревни. Подобные расправы у белых были широко в ходу. Но тут им что-то помешало, и они решили доставить командира взвода в Шуныгу. Конвоировали его три человека. Старший конвоя предложил расстрелять его на Могучей горе, в трех километрах от Шуныги. Но один из конвойных, Иван Семенов (характерно, что в книге названы имена местных жителей, служивших у белых и принимавших участие в расправах над своими земляками) категорически этому воспротивился. И Татаринов был все же доставлен в Шуныгу. Но угроза расправы над ним не исчезла. Его активная борьба на стороне красных была хорошо известна, и окончательная участь командира была предрешена. Однако тут неожиданно вмешался английский полковник, он долго и доверительно беседовал с Яковом Татариновым и, по всей вероятности, в чем-то его убеждал. Так или иначе, но расстрел не состоялся. А когда полковник покидал Шуныгу, Татаринов мог или остаться и быть расстрелянным, или уехать с английским полковником, который предлагал ему это сделать. Татаринов выбрал второй вариант, жизнь оказалась дороже идеи. Кто его за это станет осуждать? Татаринов оказался в Англии. Оттуда он написал несколько писем своим родным и Георгию Понамареву. Служил в одной богатой семье камердинером. Только неизвестно, то ли у самого полковника, то ли по его протекции в другом доме.

В ноябре батальон Матсона стал испытывать трудности с продовольствием и боеприпасами. Командование решило перебазировать отряд в Петрозаводск. Навигация на Онежском озере еще не завершилась, но ледостав мог начаться

со дня на день. Катера с личным составом взяли курс на Петрозаводск. Бойцы радовались отдыху на зимних квартирах. Но отдых был недолгим. Уже через две недели перед Матсоном лежал новый приказ. Батальону в составе полка предстояло перерезать Мурманскую железную дорогу в районе восьмого разъезда. Она все еще поддерживала жизнеспособность белых формирований на Севере.

Путь красных финнов пролегал через лес. Была ранняя зима с оттепелями и мокрой хмарью в воздухе. Около двенадцати километров батальон преодолел по мокрому скользкому льду Кедрозера. Даже бойцы, выдавшие виды, не выдерживали такого напряжения. Санитарка Анна Валима, прошедшая с батальоном самые трудные испытания, вспоминала об этом походе как о самом трудном. Есть и свидетельство Антикайнена: *«Пройдя по льду озера, наш батальон вошел в лес. Строгий приказ соблюдать тишину. Рядом железная дорога. Враг в километре. Мы устали брести по воде. Нервы у всех напряжены. И вдруг раздался крик и вопли. Это не выдержал один боец, наступил нервный срыв. Пришлось его повалить на снег и заткнуть рот. Направились в тыл. К разъезду все же подошли необнаруженными и штурмом овладели им. Но с Севера прибыл на подмогу противнику хорошо вооруженный бронепоезд. После ожесточенного боя полк был вынужден отступить на станцию Лижма».*

Из воспоминаний других участников операции легко представить дальнейшие мытарства бойцов. И батальон Матсона оказывался на самых трудных участках, в пекле событий. Снежная, чавкающая под ногами жижа дневной оттепели сменялась ночью замерзшей коркой. Сырая одежда превращалась в ледяной панцирь. О близком обогреве нечего было и думать. Кончался сухой паек. Пришлось отступить по льду того же озера, не добившись главной цели. Бойцы были настолько измотаны, что некоторые ложились отдыхать прямо на льду. Но батальон упорно продвигался. Невероятная выносливость командира и его воля передавались воинам. Они шли и верили ему.

Но вот командир батальона получил приказ: с пятьюдесятью бойцами закрепиться на разъезде у опушки леса и любой ценой, а это значило, да-

же ценой жизни, дать возможность главным силам полка отойти от противника на недостижимое расстояние. Не будь такого заслона, на открытой глади озера полк можно было бы полностью уложить огнем. И пятьдесят смельчаков-добровольцев остались на верную смерть. То, что у отряда будет мало шансов оторваться от противника после того, как бойцы примут на себя удар, ясно понимал командир полка. Но он вынужден был отдать этот приказ. Зная Матсона, его волю и находчивость, его безоговорочный авторитет среди бойцов, в уголке своего сознания командир оставлял место для надежды на благополучный исход.

Прощаясь с боевым товарищем, командир полка крепко обнял Эйолфа Георгиевича и вымолвил лишь одно слово, уместное в такой обстановке:

- Держись!
- Есть держаться!

Матсон был настолько спокоен, что ни один мускул не дрогнул на его лице.

Отряд прикрытия дал возможность основным силам полка отойти без потерь. Дальше Матсон решил действовать по обстановке. Отряд разбился на небольшие группы, и у противника возникло впечатление, что силы тут находятся значительные. Во главе групп были поставлены опытные командиры. Наметили пункт общего сбора, способы взаимодействия. Принимать открытый бой было бессмысленно. Решено было ограничиться по возможности отдельными мелкими стычками, а с наступлением темноты вывести отряд из-под огня противника перед его носом.

За этот подвиг Эйолф Георгиевич был представлен к награде. В Центральном архиве Советской Армии сохранился приказ, выписка из которого здесь приводится.

ПРИКАЗ

Революционного Военного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

По личному составу Армии.

НАГРАЖДАЮТСЯ:

Орденом Красного Знамени:

Б) Командир батальона 6-го полка Матсон (Игнеус) Э.Г. — за отличия в боевых операциях на Карельском фронте в 1919 г.

Как говорится, награда нашла героя через два с лишним года после окончания им Высшей военной академии, когда он вернулся в Карелию для прохождения дальнейшей службы.

Кедрозерский поход стал итоговым в кампании 1919 года для шестого финского полка. После короткого отдыха полк был направлен на охрану советско-финляндской границы на участке Ладога — озеро Тулмоярви...

Как уже было сказано, по прибытии в Петрозаводск после Военной академии Эйолф Георгиевич был назначен заместителем начальника штаба погранвойск Карелии. На одном из благотворительных вечеров он знакомится с молодой симпатичной петрозаводчанкой Ольгой Деменчук. Она окончила Петрозаводскую женскую гимназию, а затем курсы машинисток и по этой специальности работала в одном из учреждений города. Отец ее — начальник таможенного пункта. Кстати сказать, карельские таможенники чтили его как основателя ведомства в Карелии, и в скромном музее Управления таможенной службы можно увидеть его портрет. Мать Анна Тимофеевна вела домашнее хозяйство. Был у Ольги брат Леонид, судьба которого оказалась трагической. Перед самой войной он поступил на работу в типографию имени Анохина, а в 1941 году во время эвакуации утонул на барже, попавшей под бомбежку, вместе с типографским оборудованием.

Но вернемся к служебной деятельности Эйолфа Матсона. О назначении его заместителем начальника штаба Карельского пограничного округа в архивных материалах сохранился приказ № 2156 за подписью заместителя председателя Революционного Совета Э.Склярского от 30 августа 1922 года.

В послужном списке Матсона документально обоснован его перевод в 1925 году в Белоруссию в город Бобруйск. Какую должность ему предложили, сведений не имеется. Можно лишь предположить, что не ниже командира полка. У него уже есть невеста. И Эйолф Георгиевич обещает ей, что разлука будет недолгой. Как только устроится с работой и жильем, немедленно выпишет ее к себе. Месяца через три Ольга Сильвестровна получила его письмо-вызов и немедленно собралась в дорогу. За своим будущим

мужем она готова ехать хоть на край света, а не то что в мало известный ей Бобруйск, который к тому же оказался зеленым и уютным городком. Да и климат тамошний куда мягче, чем в Карелии. А молодым везде хорошо, когда тебя любят и сам ты отвечаешь любящему человеку взаимностью. Они поженились, дав обещание быть вместе вечно и любить друг друга. Но сдержать смогли лишь вторую часть обещания. Остальное от них не зависело... Разве могли они в те годы предвидеть пятнадцатилетнюю разлуку, катаклизмы личных судеб и судеб всей страны? Скорее, напротив. Наступил долгожданный мир, и если будущее представлялось не усыпанным цветами и тихими радостями, то все же годы предыдущих испытаний давали право на лучшие надежды.

Через год в Бобруйске родилась Ильза. А вскоре семья вновь возвратилась в Петрозаводск. В родном городе вскоре появилась на свет Ира. Шел 1926 год, может быть, самый счастливый и спокойный для семьи Матсонов. Служба у Эйолфа Георгиевича складывалась отлично. Он на хорошем счету у своего начальства. Окружен любовью и уважением многочисленного круга друзей. Один из немногих командиров со знанием языков, имеющий два высших образования. С ним дружат первые лица республики, и отнюдь не сам он набивается на эту дружбу. Умный собеседник, имеет независимое суждение. С ним можно посоветоваться по многим, и не только военным, вопросам. Он выполнял поручение самого товарища Ленина. Побывал в многомесячной заграничной поездке со специальным государственным заданием. Сам Эйолф Георгиевич об этом в разговорах не упоминал, да и скромность не позволяла себя выпячивать, но все, кто хорошо знал страницы его так ярко начавшейся биографии, считали за честь быть с ним в дружеских отношениях, оказывали ему внимание и доверие. Сама фигура Эйолфа Георгиевича, его физическая мощь невольно привлекали к себе людей своей надежностью, основательностью. При своем высоком росте около 1 метра 90 сантиметров он всегда был подтянуто-строен, элегантен. Гимнастика и стрельба были любимыми видами спорта. Он нередко устраивал среди своих подчиненных всевозможные соревнования, отлично понимая, что в бое-

вой обстановке преодолеть все трудности и победить врага может лишь закаленный и натренированный воин.

Покойный ныне писатель Урхо Руханен в ту пору был студентом педагогического техникума. Однажды он рассказал мне такой случай. На углу Кафедрального собора, где ныне Музыкальный театр Республики Карелия, он увидел Матсона, сосредоточенно следящего за секундомером и делавшим время от времени резкий взмах рукой, когда тот или иной боец из его части пересекал финишную черту. Лицо командира выражало явное одобрение. Его воины, видно, хорошо проходили эту дистанцию.

И свидетельство другого очевидца. Отец Р. Колмайнена, нынешнего главного редактора журнала «Карелия», рассказывал сыну: «*Матсон был прекрасным стрелком и почти на всех соревнованиях занимал первые места. Но, кроме того, он был физически сильным человеком. Винтовка образца 1891 года весила немало. Так вот Матсон поражал из нее цель даже и тогда, когда держал эту винтовку в одной правой руке.*

В Петрозаводске у Эйолфа Георгиевича времени на личную жизнь оставалось мало. Зато был крепкий семейный тыл, а это важно для военного человека, чьи сутки расписаны по часам. Родители Ольги Сильвестровны души не чаяли в своих внуках. Они готовы были в любую минуту прийти на помощь. А дочь их благодарила судьбу и Бога за то, что вновь они оказались в Петрозаводске, и мысленно молилась, чтобы служба у мужа шла без резких перемен. Но Бог располагает, а начальство приказывает. Последовало новое назначение, на этот раз в Новгород. В памяти у Иры Эйолфовны остались почему-то лишь летние выезды (вероятно, в составе всей семьи) в лагерь, которые еще тогда именовались в народе «аракчевскими». А мне удалось разыскать в архиве выписку из приказа о новом назначении Эйолфа Георгиевича.

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА

*Из Приказа Революционного Совета СССР
по личному составу Армии № 177
от 15 декабря 1928 года.*

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Матсон-Игнеус Эйолф Георгиевич — командир и военный комиссар отдельного Карельского Егерс-

кого батальона — с 21 декабря 1928 года начальником штаба 16-й стрелковой Ульяновской дивизии им. Т. Киквидзе.

**Народный комиссар
по военным и морским делам,
Председатель Революционного
Военного Совета СССР
К. Ворошилов**

Но и здесь его служба не была продолжительной. На одном месте часто засиживаются офицеры без особой перспективы, честно тянущие свою служебную лямку, но не хватающие звезд с неба. Послужной же список красного командира Эйолфа Матсона, как видим, был весьма динамичен. Дочки его, как всякие дети, радовались перемене мест. На этот раз их ждал Смоленск, Матсон получил повышение с назначением на должность начальника противовоздушной обороны штаба Белорусского военного округа. Приказ об этом за подписью того же Ворошилова появился 20 июля 1930 года и значится под № 612.

Но и в смоленскую землю пустить корни не удалось. Прошло каких-то восемь-девять месяцев — и вновь назначение в Петрозаводск. Он становится командиром отдельного полка им. Германского пролетариата. Формально произошло некоторое понижение в должности, но это назначение было, вероятно, политическим, его следовало расценивать как знак высокого доверия.

В судьбу Матсона, видимо, время от времени вмешивалось руководство республики, полагая, что большую пользу он принесет в Петрозаводске со знанием финского и скандинавских языков, умением оценить обстановку в тогдашней Финляндии. О, если бы руководство республики смогло уберечь его от всех последующих бед! Но оно и себя, в конечном счете, не уберегло.

Так или иначе, все эти переброски были лишены определенного смысла. Свой военно-командный опыт после академии Эйолф Георгиевич приобрел и наращивал в пограничных войсках. А ведь ни в Новгороде, ни в Смоленске, ни в Бобруйске пограничные части не размещались! Но о том, как протекал последний период его службы в родном городе, никаких сведений мне, к сожалению, получить не уда-

лось. В семейном архиве на Урале не осталось даже фотографий той поры. Не осталось записок самого Эйолфа Георгиевича. Многие документы он уничтожил в ожидании худшего. Но как бы то ни было, с каждым новым назначением приобретался дополнительный опыт, росло знание. В начале 1934 года военное начальство решило, что Матсону можно доверить и командование дивизией. Он получает назначение в Сталинград.

Служба идет прекрасно. Его дивизия на хорошем счету. Предшественник комбриг Кленов получил назначение на кафедру тактики в Военную академию им. Фрунзе.

По моим сведениям, Эйолф Георгиевич уехал из Петрозаводска в 1932 году. В деле из бывшего партийного архива с 1930 года почему-то нет сведений о дальнейшем прохождении службы. Но архивная справка, полученная мной из Москвы, внесла некоторую ясность. Приведу эту выписку полностью:

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

*Революционного Совета СССР
по личному составу Армии
19 января 1934 г.
№ 091, г. Москва*

Командир 31-й стрелковой Сталинградской дивизии Кленов Петр Семенович освобождается от занимаемой должности и назначается РУКОВОДИТЕЛЕМ ТАКТИКИ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ИМЕНИ М.В.ФРУНЗЕ.

КОМАНДИР И ВОЕННЫЙ КОМИССАР отдельной Егерской бригады ИГНЕУС-МАТСОН ЭЙОЛФ ГЕОРГИЕВИЧ освобождается от занимаемой должности и назначается КОМАНДИРОМ И ВОЕННЫМ КОМИССАРОМ 31-Й СТРЕЛКОВОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ДИВИЗИИ.

**Народный комиссар
по военным и морским делам,
Председатель Революционного
Военного Совета СССР
К. Ворошилов**

Теперь все становится на свои места. Значит, в Петрозаводске, будучи какое-то время командиром полка им. Германского пролетариата, Эйолф Георгиевич получил назначение, скорее всего, по ходатайству руководства республики, возглавить отдельную егерскую бригаду. На вопросы об этой бригаде исчерпывающих ответов я получить пока не смог нигде, даже в архивных документах нашего Управления Федеральной службы безопасности.

Осенью 1934 года состоялась очередная инспекторская проверка боеготовности личного состава подразделений. Дивизия Матсона была отмечена в числе передовых. Не случайно же бывший ее комбриг получил высокое назначение. Да и сам Матсон сумел за это время вдохнуть во вверенное ему подразделение свежие силы, имея свой взгляд на современное ведение боя. Примерно через год в соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 22 сентября 1935 года «О введении персональных воинских званий начальствующему составу РККА» Э.Г. Матсону было присвоено звание комбрига. Приказ появился опять же за подписью Ворошилова.

В отчете по итогам инспекторской проверки было, в частности, указано: *«Отмечена хорошая подготовка личного состава. Офицеры старшего звена хорошо владеют тактикой ближнего боя. Высокий боевой дух среди солдат подразделений позволяет ставить перед ними усложненные задачи по овладению ими боевых действий как в составе всего подразделения, так и в одиночных наступательных операциях. Сам командир дивизии принимает личное участие во всех штабных разработках для крупных тактических маневров. Его авторитет высок. Он творчески активен...»*

Но в армии смятение. Арестованы многие командиры дивизий, корпусов, другие понижены в должностях. За что? Есть только смутные догадки. Неужели и впрямь в армии зрел заговор? Но военные люди не привыкли доверять слухам. Главное, честно и достойно выполнять свой воинский долг, и Родина воздаст каждому по заслугам. Так думал и Эйолф Георгиевич.

Но вот наступил декабрь 1935 года, переломный в судьбе моего героя. В штаб дивизии из Москвы по «ВЧ» пришла телеграмма о том, что

командиру дивизии надлежит готовить вверенное ему соединение к передаче. Это вызвало некоторое смятение в душе самого командира и взволновало ближайшее окружение, за короткое время полюбившее нового энергичного комдива. 6 января 1936 года пришел приказ народного комиссара обороны страны по личному составу армии, в котором было сказано: *«Командир 31-й стрелковой дивизии комбриг Игнеус — Матсон Эйолф Георгиевич освобождается от занимаемой должности и назначается РУКОВОДИТЕЛЕМ ТАКТИКИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РККА ИМЕНИ М.В. ФРУНЗЕ».*

Вспомним, что на эту должность год назад был назначен предшественник Матсона Петр Семенович Кленов. Интересно было бы проследить судьбу комбрига Петра Кленова. И его не миновала чаша репрессий. С началом Великой Отечественной войны он был назначен начальником штаба Северо-Западного фронта, уже в июле 1941 года был арестован, а 23 февраля 1942 года с группой генералов и высших руководителей оборонно-промышленного комплекса расстрелян.

Дома к переезду в Москву отнеслись по-разному. Ольга Сильвестровна, хотя ей уже было не привыкать к перемене мест, пришла в замешательство. Она была уверена, что должность мужа в Сталинграде прочная и основательная, позволит семье надолго создать устойчивый быт. Семья только что получила квартиру, обзавелась всем необходимым, а девочки в школе нашли хороших подружек.

И вот снова сборы в дорогу. Конечно, Москва многих притягивает, но встреча с ней у Ольги Сильвестровны вызывала больше тревог, чем радостей. А дочери обрадовались и кричали, как чеховские сестры: «В Москву, в Москву!» И только маленькому Ярлу было все безразлично. Глаза двухлетнего ребенка еще не успели как следует взглянуть на мир, в который он вступал.

Квартиру в Москве предоставили в доме высшего воинского командования. В соседнем подъезде, к примеру, проживал сам начальник Генерального штаба Б. Н. Шапошников. Дом находился под охраной КГБ.

Ольге Сильвестровне знакомиться с Москвой было некогда. Устройство на новом месте требовало хлопот, к тому же куда уйдешь от малолетнего Ярла.

С самого начала семейной жизни она не особенно пыталась вникать в служебные дела мужа, тем более что их характер постоянно менялся. Но когда муж в досужий час заводил разговор о своих заботах и сомнениях, то пыталась в них вникнуть, поддержать его любящим участливым словом. Однажды рассказал, как осваивает новое дело, какие замечательные молодые командиры занимаются в его группе и, случись самое непредвиденное, с такими не страшно будет воевать.

Иное душевное состояние испытывали девочки. Ильзе было одиннадцать, Ире — десять. Для них в Москве все было ново и необычно. Каждый день начинался каким-либо открытием. Они быстро привыкли и к новой школе, и к новым подругам — одноклассницам. Дети легче переносят жизненные перемены, свободнее входят в новую обстановку.

Незаметно пролетело полгода московской жизни, приближался Первомай. Ольге Сильвестровне с детьми удалось по особому пропуску пройти на Красную площадь и наблюдать парад войск в непосредственной близости. Вот, чеканя шаг, прошли войска пехотных подмосковных частей. Вот движется зенитная артиллерия, за ней стройные эскадроны всадников на вороных конях. В руках воинов остро поблескивают стальные клинки. Головы лошадей гордо задраны кверху, а их копыта, отсвечивая жаром майского солнца, звонко цокают по брусчатке площади.

— Мама, а кто там стоит на трибуне? — спрашивает Ира.

— Это наши вожди. А в центре сам товарищ Сталин. Вот смотри, он наклонился к Ворошилову и что-то ему говорит... Ворошилов — это самый большой папин начальник. Этот день, дети, вы запомните на всю жизнь. Ведь мы скоро увидим, как пойдет папина академия.

Ярл сидит на плечах матери и с веселым равнодушием смотрит на проходящие войска. Не плачет — и то ладно.

— А кто там самый маленький и в такой большой кепке, как у Сталина? — почему-то пытается выяснить Ильза.

— Это Николай Иванович Ежов, любимец нашей партии, он борется с врагами и шпионами в нашей стране... Папина академия приближается. Он пойдет в первой колонне, не пропусти-

те. Смотрите, смотрите, вот как красиво идут. Не хуже, чем наша сталинградская дивизия проходила на праздниках. А вот и наш папа шагает. Во втором ряду, третий от нас. Видите?

В это время колонна Академии имени Фрунзе поравнялась с Мавзолеем, все генералы и офицеры по какой-то невидимой команде повернули головы в сторону вождей и своих военачальников. Колонна прошла. За ней уже двигались другие подразделения, такие же сплоченные и однообразно стройные. Но дочери, как и сама Ольга Сильвестровна, увидели все, что им хотелось, и стали потихоньку пробираться в сторону дома. Уходить с Красной площади было куда легче, чем попасть на нее. Свежий майский ветерок весело заигрывал с многочисленными флагами и детскими флажками. И, словно обращаясь к этому ветру, из репродуктора бодро звучала популярная в те годы песня: «Холодок бежит за ворот, шум на улицах сильней. С добрым утром, милый город, — сердце Родины моей!» Но если девочки с матерью почти не ощущали холода, то Ярик, сидя на материнских плечах, смешно ежился от ветра, но не плакал, словно и впрямь понимал всю ответственность момента и то, что Красная площадь — не лучшее место для капризов.

Вскоре они уже были дома и стали готовиться к праздничному обеду. Мать постаралась на славу, стол был накрыт со вкусом и отличался праздничным разнообразием. Пришел узкий круг сослуживцев с женами. Новоселье отметить не успели, и, наряду с праздничными тостами, гости с хозяевами выпили за новую квартиру, пожелав семье счастья и благополучия на новом месте. Среди военных того времени частые застолья были не в чести, собирались они разве что по большим праздникам. Гости ели и пили, обменивались впечатлениями от прошедшего парада, все были рады, что так близко созерцали любимых вождей и смогли продемонстрировать перед ними свою выправку и готовность грудью встать на защиту Отечества. Но от самых щекотливых вопросов, а их в армейской среде возникало тоже немало, старались в этот день отойти. Будущее всем представлялось если уж не совсем безоблачным, то, по крайней мере, благоприятным для службы и дальнейшего укрепления армии, обороноспособности страны.

Ведь об этом не устают говорить и сам товарищ Сталин. Ближе к вечеру гости разошлись.

Вечером был тихий семейный ужин. Эйолф Георгиевич размышлял вслух о своей работе, строил планы семейной жизни. И если ничто им не помешает, то первый же отпуск они проведут в Петрозаводске. А пока их ждало московское длинное лето. Эйолф Георгиевич пообещал сводить дочерей в планетарий и зоопарк, в детский театр и, конечно, в цирк. То-то было у них радости в предвкушении того увлекательного, что ждет их в ближайшее время. И кроме того, у академии есть свой пионерский лагерь в ближнем Подмосковье...

Этот вечер был для семьи таким особенным и, наверно, самым памятным в их недолгой московской жизни вместе с отцом.

Мечты эти перечеркнула беда. Уже за неделю до праздников чья-то рука в Особом отделе армии поставила на полях перед фамилией комбрига Матсона-Игнеуса знак вопроса, больше похожий на зловещий крючок, а саму эту странную, с точки зрения бдительного особиста, фамилию подчеркнула двумя кривыми черточками.

Три недели промелькнули незаметно. Эйолф Георгиевич много читал, следил за специальной литературой, и не только на русском языке. Его книжные полки скорее напоминали уголок дипломата, нежели профессионального военного: здесь были книги (разумеется, разрешенные для чтения) на английском и немецком, на финском и шведском. Рабочий стол был завален различными выписками, схемами, конспектами. Но началась четвертая рабочая неделя после праздника, и тут раздался первый тревожный звонок, пока символический. 21 мая появился приказ за подписями двух заместителей народного комиссара обороны. Фамилии их неразборчивы, но в самом приказе № 882 черным по белому было написано: *«Руководитель кафедры общей тактики Военной академии имени Фрунзе комбриг Игнеус-Матсон Эйолф Георгиевич освобождается от занимаемой должности и зачисляется в распоряжение Управления по составу РККА»*.

Для семьи Матсона начались тревожные дни и ночи. Сам он прекрасно понимал, что над его головой собрались тревожные тучи. И, не

ожидавая дальнейших событий, обратился к комиссару академии. Тот принять отказался. Зато мотивы отстранения от должности стали ясны: слишком свободно рассуждал со своими слушателями о возможности войны с Германией и роли Гитлера в будущих европейских событиях. Но поскольку никакой другой вины за собой не чувствовал, то надеялся, что все может обойтись. Однако 25 мая появился новый приказ замнаркома обороны Я. Гольфинга № 00500: *«Состоящий в распоряжении Управления по начальствующему составу комбриг Игнеус-Матсон Эйолф Георгиевич увольняется из РККА по статье 44 пункт «в» Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА»*.

А это значило, что он прямиком передавался в Особый отдел армии. Ночью в квартире раздался звонок. Было это часа в три ночи, наступило 26 мая 1936 года. Дом спал глубоким сном.

Так на семью внезапно обрушилось горе. Пришел конец всем мечтам о безоблачном семейном счастье. Для самого Эйолфа Георгиевича этот приход неожиданным не был. Он хорошо знал армейскую среду и атмосферу в ней, был внутренне готов к самому плохому обороту событий. Но не думал, что все произойдет так быстро. Судьбы людей его ранга, в конечном счете, решало высшее командование. И если его участь уже была предрешена, то зачем же потребовался перевод в Москву на какие-то полгода? Эти мысли терзали Эйолфа Георгиевича в ожидании развязки.

Ему тогда и представить было трудно, что такие игры были лишь частью иезуитской политики по ликвидации командной элиты в армии. Много раз писали о том, сколько за те годы было арестовано, а потом и расстреляно маршалов, генералов, высших офицеров. Но под жерновами репрессий Эйолф Георгиевич оказался одним из первых. А потому всем окружающим и ему самому не верилось в реальность нелепой «ошибки». Он надеялся, что эту «ошибку» обязательно исправят, лишь дело дойдет до умного следователя. Ведь есть же законодательство, есть непоколебимая партийная правда!

Но вместе с тем Матсон прекрасно понимал и другое, что уж его-то можно без особых натяжек обвинить в сотрудничестве с любой из разведок

Запада. Продолжительная работа за границей в начале 20-х годов, встречи с иностранными атташе и дипломатами, наконец его финско-шведское происхождение — это ли не поле для самых смелых обвинений?! Не нужно быть зорким чекистом, чтобы в атмосфере шпионмании не проявить к его персоне повышенный интерес. И он, словно предчувствуя крах своей карьеры, в минуты откровения однажды сказал жене:

— Дорогая Оленька, со мной все может случиться. Непростая у меня судьба, а время какое-то тревожное. Поздно или рано могут прийти и за мной. Хотя будем надеяться, что все обойдется. Но если такое случится, наши девочки и сын, когда вырастут, должны твердо знать, что отец их был честным человеком и неплохим воином. Идет явный политический перегиб. Рано или поздно все должно стать на свое место. Эх, был бы жив Владимир Ильич...

В самые тяжкие минуты жизни Эйолф Георгиевич обращался к памяти Ленина, вспоминая встречу с ним в кремлевском кабинете, непринужденную беседу на английском языке с ним, рядовым офицером, как с равным политиком. Нет, такое, конечно, не забывается. И эти воспоминания вновь укрепили в нем веру в себя, в высшую справедливость. В минуты таких воспоминаний ему с особой отчетливостью приходили на память ленинские слова о том, что наша новая армия еще недостаточно хорошо подготовлена для возможной серьезной войны против империалистов, что нам не хватает не только нужного вооружения, но и по-настоящему грамотных, образованных офицеров, преданных делу революции. И вот теперь, через какие-то десять лет после ухода Ленина, когда армия стала сильнее, а руководящее звено более образованным, начинают почему-то преследоваться наиболее подготовленные кадры. Разговоры об этом возникали и дома, и среди верных друзей — сослуживцев, которые не были тупыми исполнителями приказов, а умели анализировать обстановку. Правда, за недостатком информации о многом могли лишь строить догадки. Все подобные разговоры Эйолф Георгиевич обычно заканчивал верой в лучшее: «Рано или поздно все образуется».

Рано или поздно. Произошло это слишком поздно...

Когда ночью раздался роковой звонок, Матсон понял, кто за дверью. Вошли трое молодых мужчин. Один из них, видимо, старший группы, был в форме КГБ, по форме отдал честь и представился. Перед ними стоял еще комбриг. Эти люди видели всякое. Случалось, хотя и очень редко, что после первого допроса человека отпускали домой. Старший протянул ордер на обыск и арест:

— Семью можете не будить. Панику поднимать ни к чему.

А какая семья в такие минуты могла спокойно спать!

— Действуйте, — спокойно сказал комбриг. — Мне перед партией и органами скрывать нечего, — и поднялся к вышедшей из спальни жене. В приоткрытую дверь было видно, что девочки тоже проснулись.

Когда шел обыск, сам Эйолф Георгиевич подсказывал чекистам, где у него лежат книги, конспекты, переводы. По их просьбе что-то для них переводил. С особым интересом они рылись в иностранных книгах, видимо, надеясь найти в них улики. Но улик не было и не могло быть. Эйолф Георгиевич мысленно благодарил судьбу, что успел основательно подчистить свой архив перед отъездом в Москву. Ведь некоторые из друзей, с которыми он переписывался и даже фотографировался, уже находились в другой армии...

Он еще не хотел верить, что не те, так другие «улики» все равно будут найдены и предъявлены на допросах. Работа в Коминтерне, заграничные поездки, семимесячное пребывание в Дании. Наконец, среди его друзей был один из руководителей Карелии Эдвард Гюллинг, которому тоже недолго оставалось быть на своем посту.

Оперативники продолжали искать. Среди прочих записей взяли и записку Ленина на имя коменданта Кремля: «Тов. Мальков, окажите необходимую помощь и содействие слушателю Военной академии тов. Матсону в его подготовке для поездки в Среднюю Азию». Эту записку Эйолф Георгиевич по назначению не передал, видимо, обошелся без помощи Малькова и решил сохранить как реликвию.

А в это время и в Петрозаводске не все было спокойно. Айно Куусинен в книге «Господь

низвергает своих ангелов» пишет: «Я беспокоилась о своем брате Вяйне, так как ничего не знала о нем с тех пор, как он был назначен директором сельскохозяйственного института в Петрозаводске. Я тайно приехала в Петрозаводск (*А. Куусинен приезжала перед очередной командировкой в Японию, куда направлялась по линии Коминтерна с разведывательными целями. В частности, в Японии состоялась встреча с Рихардом Зорге и другими разведчиками-нелегалами. — И.К.*). В Петрозаводске подтвердились худшие опасения. Я нашла лишь его жену, она была в большом горе: Вяйне был недавно арестован и перевезен в Ленинград. Гюллинг, Нуортева, Ровио и многие другие финские коммунисты-руководители были уволены». Пока только уволены. Но мы знаем, какая участь вскоре их постигнет.

— Собирайтесь, — негромко, но решительно сказал старший наряда. — С собой взять самое необходимое.

Ольга Сильвестровна за два часа обыска не проронила ни слова. Она словно окаменела, воспринимала происходящее как дурной сон. Но когда прозвучали слова «пора выходить», не сдержалась и заплакала в голос.

— Успокойтесь, гражданка. Не навечно уводим вашего мужа, — пытался утешить ее старший, уже привыкший к таким сценам.

— Не горюй, дорогая, — стал утешать ее муж. — Лучше собери мою походную сумку. Сама знаешь, что положить на первое время. А там дадут свидеться. Но, скорее всего, завтра и вернусь. Я ведь ни в чем не виноват. Советское правосудие разберется...

— Награды сдать. Можно следовать в форме, но без знаков отличия.

Матсон выложил на стол ордена и медали. И тут он осознал, насколько все серьезно. Подошел к молчаливым испуганным девчонкам, не понимавшим до конца, что происходит в доме. Нежно попрощался с ними, поцеловал спящего сына.

— Не надо, не плачь, Оленька. Я ведь скоро вернусь. Позаботься о детях. Что бы со мной ни случилось, вам помогут, в беде не оставят. Мы ведь живем в Советской стране...

Это были последние слова отца, которые слы-

шали и на всю жизнь запомнили его дочери. Конечно, им помогли. Но не советские органы, а скромные безвестные люди.

Пока в зарешеченном «воронке» Эйлофа Георгиевича везли во внутреннюю тюрьму на Лубянку, он думал о том, что обещание сводить детей после праздников в зоопарк и планетарий так и не успел выполнить. Казалось, впереди еще целое лето, все можно успеть. Об этом он еще не раз будет вспоминать в годы одиночества.

В ту ночь семья Матсонов не спала. Занятия в школе закончились. Иначе как оградить девочек от разговоров? «За что посадили вашего отца? Он что, враг народа?» В школе уже были дети, которые не могли ответить на подобные вопросы. А как быть, когда начнется новый учебный год? Ольга Сильвестровна надеялась, что до осени острота семейной трагедии сгладится, окружающие привыкнут. Не исключено и то, что мужа освободят. В самом деле, не могут же посадить ни в чем не повинного человека! Да и она не будет сидеть дома сложа руки. Она станет хлопотать о его освобождении, но прежде устроится на работу. Семейных сбережений надолго не хватит. Работа поможет отвлечься от тяжелых мыслей. А что будет с их квартирой? Скорее всего, их выселят, но куда?

Хотя частые переезды и суровый военный быт мужа закалили характер Ольги Сильвестровны, поначалу она растерялась. Одна с тремя детьми. Работу она, конечно, найдет. Но с кем оставлять дома Ярла? Из ведомственного садика его, наверно, снимут, когда выгонят из этой генеральской квартиры. К счастью, впереди лето. Девочки будут заниматься с братом, пока она на работе, а дальше будет видно, как поступать. Главное, не поддаваться горю, надо жить и растить детей. Разве не об этом была последняя просьба мужа?

Временами находило искушение все бросить и уехать в Петрозаводск к родителям. Одно удерживало, что муж рядом, нужно поддерживать его своим присутствием. Ольга Сильвестровна носила передачи и до самого суда не оставяла надежду на его освобождение.

Следствие принимало затяжной характер. Комбриг оказался человеком упрямым и нес-

говорчивым. Более года семью не тревожили. Матсоны продолжали жить в том же доме, а стало быть, продолжали надеяться. Но наступил роковой день 1 июля 1937 года. Суд был коротким. Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к исключительной, высшей мере наказания, то есть к расстрелу. Но эта мера была заменена десятью годами тюремного заключения и, сверх того, тремя годами поражения в правах. Правда, эти три года обернулись пятью.

Почему же более года семью Матсонов не тревожили? Соблюдали формальность, пока не был вынесен приговор? Возможно, но могла быть и другая причина. Ведь были же случаи, когда репрессивные органы признавали ошибки и отпускали арестованных на свободу. Правда, из этого факта они извлекали для себя пользу: смотрите, дескать, советское правосудие невиновных не наказывает.

Так было, к примеру, с другим финским краснотельником, впоследствии легендарным разведчиком Тойво Вякя, который в своей известной книге «Красные финны» с особой теплотой вспоминает Эйолфа Георгиевича. Тойво Вякя (Ивана Петрова) арестовали как врага народа в Белоруссии в 1938 году, где он служил в одном из пограничных отрядов. Год продержали в минской тюрьме. Следствие успешно двигалось к высшей мере, но, когда надежды уже не оставалось, его вдруг признали невиновным. Редчайший случай в судьбе военного человека.

Тойво Вякя вернулся в армию, дослужился до звания полковника, в зрелые годы достиг немалых успехов и на литературном фронте. А к его соотечественнику и соратнику по борьбе еще в первые революционные годы Эйолфу Матсону судьба оказалась не столь милостивой.

Произожди арест годом позже, в страшном 37-м, все решилось бы в считанные дни. И потому, возможно, судьба повернулась к Эйолфу Георгиевичу все же не самой трагической стороной. Как явствует из справки Военной Коллегии Верховного суда РФ: «Начальник группы Военной академии им. Фрунзе, комбриг, необоснованно (*эта формулировка появится лишь через 20 лет.* — И. К.) осужден по ст. 58-10, ч. 1 и 19-193-22 УК РСФСР к 10 годам тюремного

заключения». А дальше — тюрьмы, пересылки и знаменитый своей суровостью (не только климатической) Норильский лагерь.

Был ли Эйолф Георгиевич после вынесения приговора направлен во Владимирскую тюрьму, как мне написала его дочь Ильза Эйолфовна? Вполне возможно. Она запомнила, что во Владимир мать отправляла отцу посылки.

В Красноярском управлении внутренних дел, отвечая на мой запрос, сообщили, что лагерное дело Э.Г. Матсона за давностью времени уничтожено. И выслали взамен один поэтапный формуляр. К сожалению, даже в нем допущено несколько существенных неточностей. Можно предположить, с какой вопиющей небрежностью, иногда стоившей заключенному жизни, составлялись и более серьезные документы.

Так, графа о национальности и подданстве осталась вообще незаполненной. Зато в графе об образовании было указано, что Матсон — эстонец. В графе о бывшей партийности обозначено «б/п». Но ведь Эйолф Георгиевич был членом партии с 1918 года, это сообщалось во всех анкетах. Ни звания, ни должности — просто «военнослужащий». Дата вынесения приговора указана неверно. Конец срока указан правильно: 28 мая 1946 года, хотя и тут возникает вопрос: кто накинул два дня? Арестовали-то его 26 мая. Указано и поражение в правах на три года, которые обернулись пятью годами. И важная графа в этой справке — откуда он прибыл в Норильский лагерь: из Орловской тюрьмы 17 июля 1939 года. Непонятно только, сколько времени Эйолф Георгиевич находился в этой тюрьме. О том, что он там содержался, не знали его близкие. А может быть, Ольга Сильвестровна и получала из Орла какие-либо весточки от мужа, но дочери этого не запомнили? Мать отправляла, возможно, в Орловскую тюрьму посылки с продуктами и теплыми вещами. Но, как впоследствии выяснилось, Эйолф Георгиевич ничего из дома не получал.

После ареста семья целый год продолжала надеяться на его освобождение. И не все соседи от них отвернулись. Кто-то из сослуживцев мужа посоветовал обратиться к главному военному окружному прокурору, выяснить, какое обвинение предъявляют Эйолфу Георгиевичу. После этого станет ясно, что предпринимать дальше.

Ольга Сильвестровна безрезультатно прошла множество коридоров и приемных. Ожидая приема у главного окружного прокурора, протомившись несколько бесконечно долгих часов, каких только разговоров она ни наслушалась. Люди говорили полупшепотом, но шепот в этой гнетущей обстановке был более вняттен, чем иные громкие слова.

Принял ее не сам прокурор, а один из его помощников. Своей важной осанкой, будто говорящей о незыблемости закона, он невольно внушал Ольге Сильвестровне веру в справедливость. Участливо подняв на нее свои утомленные глаза, спросил:

— Что Вас, гражданка, привело ко мне?

— Хочу узнать о муже.

Не дав договорить, спросил фамилию, основные анкетные данные мужа и поинтересовался, когда и при каких обстоятельствах его арестовали. Затем куда-то позвонил. Ольга Сильвестровна настороженно ждала, что он ей скажет. А прокурорский помощник, строго сдвинув государственные брови, положил телефонную трубку на рычаг и тем же невозмутимым голосом изрек:

— Так вот, гражданка Матсон. Дело вашего мужа находится у следователя. И только Военная Коллегия Верховного суда Российской Федерации вправе будет решить вопрос о его виновности или невиновности. А до вынесения судебного вердикта не советую вам ходить по инстанциям. Зачем терять время? У вас же, наверно, есть дети. Лучше позаботьтесь о них. И займитесь трудоустройством.

Ольга Сильвестровна поблагодарила за беседу. Ситуация для нее хоть чуть-чуть прояснилась. Домой возвращалась с намерением завтра же начать поиски работы.

Но найти работу оказалось нелегко. В отделах кадров дотошно выспрашивали, кто она, почему так долго не работала и не утратила ли свою квалификацию машинистки. Было бессмысленно скрывать, что муж находится под следствием.

Неожиданно повезло в Наркомате бумажной промышленности. На работу взяли. Оклад был скромным, но с учетом некоторых сбережений содержать семью позволял.

Раздумывать в камере бывшему комбригу, преподавателю Военной академии долго не дали. На следующий же день помощник начальника первого объединения следственного отдела некий Мышленко, засучив рукава, приступил к допросу.

На втором допросе 8 июня речь шла «о к р и т и ч е с к о м высказывании о роли Гитлера в вопросах европейской политики». Во время следующих допросов ком обвинений нарастает.

— Что делал в Копенгагене и Стокгольме в 1921 году? С какими иностранными разведками установил там связи?

В справке Главного разведывательного управления говорилось: «*В марте 1920 года Матсон-Игнеус Э. Г. был направлен Главным разведывательным управлением в командировку с разведывательными целями в Англию в составе советской делегации Красина — Литвинова. Но в Англию делегация почему-то не попала, а осела в Копенгагене. К выполнению разведывательных заданий Матсон-Игнеус не приступал. Это побудило командование отозвать его*». Информацию, изложенную в справке, можно подвергнуть сомнению. Если все так, то зачем было семь месяцев держать Матсона в Копенгагене, время от времени направляя в Стокгольм?

Следователю очень хотелось уличить Эйолфа Георгиевича в связях с иностранными разведками. Ему каким-то образом удалось установить факт переписки подследственного с отцом — капиталистом, жившим в Финляндии. Матсон писал ему, когда находился в Копенгагене. Не исключая, что Эйолф Георгиевич в силу своей душевной откровенности сам простодушно поведал об этом. Правда, следователю не было известно, что отец приезжал в Копенгаген на свидание с сыном.

Допросы носили «конвейерный характер», когда один хорошо отдохнувший следователь сменял другого. Бригаду следователей возглавлял Семен Григорьевич Гендин, помощник начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности. Именно он сумел поставить дело так, что допросы длились по 25-27 часов кряду. Матсона трижды за это время переводили из Бутырской тюрьмы во внутреннюю, то есть на Лубянку. У следователей была одна задача: загнать его в угол, заставить соз-

наться в своих преступлениях и «разоружиться» перед партией и государством. Но подследственный оказался твердым орешком. Сломить Эйолфа Георгиевича они не смогли.

Лучше всего атмосферу и методы ведения следствия передает письмо на имя Главного Военного прокурора, написанное Матсоном 7 апреля 1956 года перед его полной реабилитацией. Публикую его, как и другие письма Матсона, сохраняя авторскую орфографию и пунктуацию. Этот документ стоит привести целиком, ибо в нем личная боль стала отголоском боли тысяч и тысяч невинно пострадавших людей.

**«г. Москва. М-Т/8
Ул. Кирова, 41**

В мае месяце 1936 года, будучи преподавателем тактики Военной Академии им. Фрунзе в Москве, в промежутке между занятиями я рассказал слушателям моей группы, кто такой Гитлер и какие несчастья могут произойти с его появлением на авансцене Европы. Нужно сказать, что лишь недавно перед этим был переведен в Академию с должности командира дивизии, а потому не знал всех порядков. Мне и в голову не могло придти, что мне, командиру РККА, члену партии с 1918 года, при случае нельзя вступать в разговор с самостоятельно мыслящими командирами, большинство из которых также были членами партии, на любую тему, имевшую в те дни актуальность.

Можно было признать мой поступок ошибкой, но состава уголовного преступления тут не было.

Когда в один из следующих дней мне об этом сказал один из преподавателей политических предметов, я сразу же обратился к Комиссару Академии с просьбой принять меня для того, чтобы как-то исправить это положение. Однако комиссар меня не принял, а передал все дело органам Особого отдела. (Вероятно, такой орган существовал при самой академии. — И. К.)

28 мая 1936 года после обыска на квартире меня арестовали, и началось следствие. Но какое это было следствие? Я все время настаивал на том, что если партия и Верховное командование меня передали в распоряжение Особого отдела Армии, то раньше всего для того, чтобы выяснить объективную картину происшедшего. Мне же все время, в течении одного года и двух меся-

цев до суда, твердили одно, а именно: «Ты теперь не в политотделе, а в Особом отделе, и эту разницу надо понимать. Мы в отличие от политотделов и разных там партийных органов, не занимаемся пустыми объяснениями да выяснениями, а оформляем материалы для предания суду». К этому они неизменно прибавляли, что вопрос обо мне уже бесповоротно решен и лучшее, что могу сделать, это как можно основательнее покаяться и идти им навстречу. К этому нередко прибавляли, что «у тебя осталась жена с тремя детьми, целиком зависевшая от твоего поведения у нас». И тут, надо сказать, они нащупали у меня слабое место. Держа меня месяцами в одиночке, они добились того, что я перестал думать о себе, но судьба ни в чем неповинных моих детей не давала мне покоя ни днем, ни ночью.

Уже с первых допросов дело пошло по заранее определенному пути. Достаточно сказать, что протоколы допросов писались не так, как я рассказывал, а потому, когда я отказывался их подписывать, то в лучшем случае их переписывали с небольшими редакционными исправлениями, а затем меня заставляли подписывать эти явно пагубные для меня изложения моих измененных показаний. Они были более чем тенденциозны. Они были направлены на навязывание мне предвзято установленной вины.

Я требовал свидания с прокурором, чтобы убедиться, действительно ли такое следствие соответствует правовым нормам Советской юстиции, но мне в такой встрече отказывали. Больше того, я требовал бумагу, чтобы самому написать правильное «дополнение» к этим протоколам, но мне и в этом отказывали, а чаще — применяли репрессивные меры. Я был знаком с записками Владимира Ильича к т. Крыленко по разным вопросам советского права и законодательства и просто не мог понять, где я находился. Мне временами казалось, что я в руках какой-то инквизиции, а не органов Советской власти.

Невзирая на это, я считал себя обязанным рассказать о себе все, о чем меня даже и не спрашивали, и рассказать откровенно и правдиво, мало думая о том, как такое откровение может быть использовано за меня или против меня. Я был коммунистом и имел развитое чувство совести. Кроме того, я верил в партию и в то, что она меня не оставит в беде. Я верил, что руково-

дителями ОГПУ, людьми «с горячим сердцем, холодным умом и чистыми руками», в конечном счете, будут поправлены мои перестаравшиеся следователи. О том, что они могут оставаться неисправимыми, я и мысли не допускал. Надеялся также, что явные подтасовки вопросов и ответов в протоколе тоже будут исправлены. Я, сам бывший командир пограничных войск ОГПУ времен Феликса Эдмундовича Дзержинского, и мысли не допускал, что такие нечистоплотные подтасовки имели целенаправленный характер. А подтасовок было достаточно.

Заданют мне, например, вопрос, а мой ответ отредактируют, и я его под большим давлением должен был подписывать. А через несколько дней и ночей мне дадут его снова подписать, уже вмонтированный в текст общего протокола, показывая мне при этом только один лоскут с одним ответом.

Но как-то раз я заметил, что такой ответ вмонтирован не к тому вопросу, который мне был задан, а к другому, который имеет другой и при этом совершенно пагубный для меня смысл. Я потребовал, чтобы мне показали все те протоколы, которые я наивно-доверчиво подписал, не проверив редакции предыдущих вопросов перед моими ответами, чтобы убедиться, в какой степени меня «запугали», но излишне здесь говорить о том, мне было в этом отказано.

В одну ночь мне предъявили формальное обвинение. К моему удивлению, я узнал, что меня обвиняют в контрреволюционной агитации и шпионаже в пользу какого-то иностранного государства, то есть по ст. 58. П. 11.10. и 6 УК РСФСР. Я был больше, чем ошеломлен этим обвинением, я был потрясен, отчасти даже оглушен таким немислимым несоответствием «содержанию».

После этого началось многомесячное следствие по разным вопросам, причем, на словах мне было объявлено, что меня дополнительно обвиняют в троцкизме и терроризме, а также в подготовке заговора по отторжению советской территории к Финляндии, в связях с международной буржуазией и т. д. Я даже не помню всех этих статей и подпунктов.

Должен признаться, что защищаясь от всех этих обвинений, я старался отстоять свою честь командира РККА, а потому часто не обра-

щал должного внимания на второстепенные вопросы, что в конечном счете меня как раз и погубило. Мне казалось важным только одно, то есть показать и убедительно доказать, что двурушникам и подавно шпионам я никогда не был и быть не мог. И это мне удалось. Доказательством этого является постановление суда, что «нет оснований обвинять Матсона в шпионаже».

Из-за защиты себя от этого необоснованного обвинения меня заставили в течении всего следствия сосредоточить свое внимание на ложном, в результате чего я упустил защиту себя по другим вопросам и среди них по вопросу о сдаче в плен без достаточных оснований, по ст. ст. 19 и 193 П УК РСФСР. По ним я потом и был осужден.

Во время рассказов о прошлых годах, в ответ на вопрос: «Был ли я под судом и следствием?», — я ответил, что не был, но однажды был близок к тому, чтобы попасть под следствие. Следователя это очень интересовало. Я подробно рассказал, как это произошло в действительности.

В 1919 году во время боев на Заонежском полуострове, примерно в августе месяце, мой отряд был оттеснен на самый южный конец Заонежского острова Климецкий. Патроны были на исходе, как и продовольствие. Зная наше тяжелое положение, белое командование прислало мне записку с предложением вступить в переговоры о сдаче, или вернее предоставление моему отряду право присоединиться к карело-финскому легиону вооруженных сил Великобритании, находящихся на Севере Карелии. Эти легионы несли пограничную службу с белой Финляндией, так как бойцы этих легионов, состоящие из бывших красногвардейцев, наотрез отказались участвовать в военных действиях против Красной Армии.

Мне такое предложение показалось заманчивым с точки зрения выявления его реальности в создавшихся условиях, когда грозило полное уничтожение моего отряда в случае нападения белых. И главное, меня больше всего занимала мысль о выигрыше времени: пока идет канитель с этими переговорами, за это время могла подоспеть помощь со стороны Онежской Флотилии, которой командовал т. Панцержанский. На поиски патрульных судов флотилии за несколько дней перед этим я послал две или три лодки со смельчаками в разных направлениях.

Итак, я решился на эти переговоры. Я знаю,

что это была ошибка, о чем мне и сказали впоследствии. Ведь в полевом уставе 1927 года определено, что вступать в такие переговоры могут только командиры, рангом не ниже командира дивизии, а я в то время был всего лишь командиром батальона.

Но надо принять во внимание, что связи с дивизией у меня не было уже длительное время, и что к 1919 году еще не было полевого устава с упомянутыми полномочиями. А мой отряд находился в безвыходном положении. Я, как старший командир, был не формально, а по сути ответствен за судьбу людей батальона.

Мы сели в лодку, я и двое командиров финно-карельского батальона. В пути неожиданно поднялась буря, пошли сильные волны. Видя, что мы все равно опаздываем на условленную встречу к назначенному острову, я приказал повернуть обратно. К тому же, должен сказать, что опасения нашего русского товарища — командира начали понемногу на меня действовать. На самом деле, могло случиться, что нас ликвидируют, а потом нападут на отряд, оставшийся без руководства, и уничтожат его.

Утром белые напали на мой отряд. Мы дали крепкий отпор. Но из-за недостатка патронов поддерживали только прицельный огонь из винтовок. Вынуждены были отступить и стали отходить к Климецкому монастырю — на самый мыс острова. Я и тогда на следствии, и теперь заявляю, что этим боем, как и всеми предыдущими боями отряда, руководил, как и полагалось командиру РККА. И тот случай с «переговорами» никакого значения не имел и не мог иметь. Достигнув Климецкого монастыря, мы прочно закрыли туда узкий перешеек, а в следующую ночь к нам на помощь подоспела флотилия т. Панцержанского, случайно наткнувшаяся на одну из наших лодок.

На коротком совещании на борту его флагманского корабля было решено эвакуировать остатки моего отряда с острова, так как тов. Панцержанский и его комиссар не только не видели возможности надежно обеспечить мой тыл, но даже снабжение боеприпасами и продовольствием; в первую очередь — боеприпасами.

В штабе дивизии я тогда же в 1919 году рассказал о всем происшедшем комиссару дивизии тов. Рахья Э.А., члену партии с 1903 года, и он

за все эти мои промахи, если, конечно, они у меня были, дал мне тогда нагоняй. Тем дело и кончилось, как я думал, навсегда.

Но этот мой рассказ был, однако, следовательно оформлен совсем иначе. Не буду здесь рассказывать, как именно, полагая, что материал этот где-то имеется. Скажу только, что не будь обвинения в шпионаже и шантажа с угрозами разгрома моей семьи, то никогда бы следователям не удалось заполучить моих подписей под ложными протоколами. Я выдержал бы все эти «конвейеры», сидения без движения по 25 часов на одном стуле против смеющихся следователей, требовавших безоговорочной подписи под ложным протоколом. Они применяли и другие незаконные приемы следствия. И страх за судьбу моих детей местами меня надломил.

Особенно сильное воздействие на меня произвело предъявление мне протокола допроса моей жены. При этом мне показали только ее подлинную подпись, а сами ее показания прочли на слух. Лишь в 1949 году я узнал, что это был свидетельский протокол. (Осенью 1949 года после освобождения из-за колючей проволоки, находясь «на поселении» третий год, Э.Г. Матсон проходил курс лечения от туберкулеза в Канском санатории Красноярского края. Выкроив несколько дней из предоставленного ему отпуска, он на свой страх и риск решил навестить семью, жившую на Урале в Краснокамске. — И.К.) А тогда мне сказали, что моя жена, как обвиняемая, находится в одной из соседних камер, и ее судьба целиком зависит от моего «поведения».

Я еще и теперь, спустя двадцать лет, с ужасом вспоминаю эти ночи и удивляюсь не тому, что я подписал, а тому, как смог подписать, ограничиться только теми подписями. Мне даже показалось тогда, что кое-кому из следователей было жутко.

В связи с этим необходимо добавить вот что: на вопрос, как я мог быть так наивен и верить какой-то записке белого офицера, я ответил, что в разговоре с начальником штаба нашей дивизии услышал от него, что верить в таких случаях можно, так как у белых все же были офицеры, в большинстве случаев, служившие офицерами еще в царской армии, и в вопросах чести они обманывать не могут. Сам он был бывший подполковник гвардии.

Как бы там ни было, но этот мой рассказ следователями был извращен и переделан в том стиле, что якобы этот бывший офицер завербовал меня перейти к белым. Я заявил следователям, что и до, и после этого случая я неоднократно побывал в тылу у белых во время наших налетов, а потому возможностей перехода на их сторону у меня было предостаточно. И если я не перешел, то очевидно, причиной тому было не отсутствие благоприятного случая, а моя убежденность в выбранном мной пути. Больше того, в 1920 году в составе делегации Красина — Литвинова я ездил в Скандинавские страны и мог там остаться. Однако таким очевидным фактам не было придано никакого значения. А то, что я остался коммунистом, невзирая на многие недостатки и слабости, просто в расчет не принималось.

Можно спросить, как я мог быть таким наивным, верить в безопасность при поездке на встречу для таких переговоров с противником. Но имейте в виду, что в 1919 году мне исполнилось только 22 года, как выходящу из интеллигентной семьи, мне казалось, что слово офицера вне подозрения. Ведь я сам бывало в бою, когда была обещана жизнь складывающим оружие, не разрешал их после этого трогать, невзирая на бушевавшие страсти своих бойцов, немало вынесших от противника. Я хочу лишь этим сказать, что таковы тогда были мои взгляды в вопросах чести. Верны или не верны, судить Вам.

Наконец, примерно через год после ареста, следствие закончилось. Но после окончания меня еще несколько раз вызывали, требуя подписки под исправленными формулировками в протоколах. Как я не отказывался, но все же меня заставили подписать эти оговорки и исправления, которые, как я ясно видел, были введены для усугубления моей «вины». Мне уже тогда казалось, что лучше конец с ужасом, чем весь этот ужас без конца. Нет смысла говорить, какие «методы» принуждения при этом следователями применялись.

Затем последовал еще один этап, то есть попытка получить от меня разного рода показания против людей в Правительстве Карельской Республики и в Москве, с которыми я был лично знаком. Но от этой роли я наотрез отказался, несмотря на угрозы. Я твердо решил примириться со своей личной гибелью, но других людей не губить. После нескольких таких попыток, окончившихся

моим категорическим отказом, меня оставили в покое, и мое дело передали в суд.

Перед самым судом меня ознакомили с делом. В частности, я писал: «Расписываюсь в том, что мне прочитаны некоторые мои показания из дела». Они заняли всего несколько страниц. На мой вопрос, что из себя представляют остальные, довольно объемистые, показания и положения, мне был дан ответ, что это дополнительный секретный материал для суда, и его мне знать не полагается.

1 июля 1937 года, то есть на четырнадцатом месяце после ареста, меня судила Военная Коллегия Верховного Суда СССР. Суд был коротким. Мне задали всего несколько вопросов, в ответ на которые я сумел обратить внимание суда на то обстоятельство, что фактически я в плену и не был, но если бы мог, то сдался бы. Отчего моя вина не легче. В предоставленном мне заключительном слове я просил суд рассмотреть дело с точки зрения юридических норм, так как у меня нет достаточных юридических знаний защищаться самому. Но мне кажется, что с оформлением дела не все в порядке. После короткого совещания мне объявили приговор, как видно, заранее согласованный: расстрел с заменой десятью годами тюремного заключения и тремя годами поражения в правах. К слову сказать, второй срок впоследствии был увеличен до пяти лет, и местом ссылки определили то же место после отбытия основного срока наказания, правда, по другую сторону лазерного забора.

После этого начались долгие годы отбытия этого срока. В тюрьме я несколько раз требовал бумагу для подачи заявления о пересмотре дела, но, так как на опыте убедился, что на следующий день после такой просьбы я оказывался в карцере суток на пять за какое-либо придуманное нарушение режима, то я перестал из инстинкта самосохранения предаваться пустым мечтам о досрочном освобождении и смирился со своей лагерной судьбой.

Во время Великой Отечественной войны я каждый год писал заявления с просьбой об отправке в действующую армию. После освобождения я узнал, что все мои заявления по распоряжению начальника лагерного отделения были подшиты к делу на месте. Мне же объявляли, что они направлялись по назначению.

Прошу Вас рассмотреть мое дело, и если, как я уверен, обнаружится, что я был осужден несправедливо, то возбудить ходатайство об отмене явно несправедливого приговора».

Тяжело и грустно читать этот документ даже спустя полвека.

Как нелепо была сломана яркая человеческая судьба на самом ее взлете! А какие лишения выпали на долю семьи, жены его, на руках которой осталось трое несовершеннолетних детей! Но она не озлобилась. Да и на кого было обижаться Ольге Сильвестровне? На страну, на свой народ, на вождей, которых благодарила большая часть населения? И ведь совсем не случайно Ильза Эйолфовна в своем письме ко мне вспоминала: *«Вот и я запомнила на всю жизнь, что увидела Сталина на Мавзоле»*. Или еще вот строки из ее письма: *«Я благодарна маме, что она никогда не настраивала нас против власти и в том духе, что кто-то виноват конкретно в горе нашей семьи»*. После того как Ольга Сильвестровна поняла, что надежды на возвращение горячо любимого мужа бессмысленны, она целиком переключилась на заботу о семье. Прошло горестное лето. Начался новый учебный год, и девочки пошли в школу.

В школе, конечно, узнали, что их отец репрессирован. Однако аресты уже перестали удивлять даже детей, и сестры продолжали учиться, не испытывая осуждающих взглядов и притеснений.

Семья Матсонов стала ко многому привыкать в новой для них жизни. Привыкла к мысли о том, что их муж и отец если и вернется к ним, то через много лет; потом привыкла к нищете, к тесноте и обидам. Когда приговор вступил в силу, семью выселили из генеральского дома и определили на жительство в одном из бараков Октябрьских лагерей в поселке Сокол. Комната оказалась проходной. За фанерной перегородкой жила жена репрессированного военного с девочкой.

Долгие четыре года семья вынуждена была ютиться в этой конуре. Но шли еще мирные годы, вселявшие в души людей хоть какие-то надежды на лучшую участь.

Первое письмо от Эйолфа Георгиевича семья получила еще в Октябрьских лагерях.

Когда оно пришло? К сожалению, родные Матсона этого уже не помнят, как не помнят и того, часто ли он писал из лагеря и о чем писал. А то первое письмо, по всей вероятности, Эйолф Георгиевич сумел отправить домой во время этапирования в Орловскую тюрьму после вынесения приговора.

Мне ничего не известно о жизни Матсона в Норильске, это белое пятно в его биографии. Можно только представить, что пришлось испытать бывшему боевому комбригу, не раз смело глядевшему в лицо опасности. Однако храбрость в условиях лагерной системы была бы неоправданной роскошью. Верю в одно, что всевозможной шпане и уркаганам, если кто и пытался унижить его человеческое достоинство, Матсон давал достойный отпор. Наверняка и в лагере он стал авторитетным человеком, с мнением которого считались. Грамотные инженеры нужны были и там, особенно на строительстве Норильского металлургического комбината и города.

А жизнь на воле продолжала идти своим чередом. Что-то незаметно менялось в обществе. Приутихли репрессии, некоторым счастливым удавалось даже выйти на волю...

Разразилась война. Она как бы уравнила всех в беде, в любви к стране и к народу. К началу зимы 1941 года враг находился уже на подступах к Москве. Армии требовались умные, грамотные военачальники. Многие из них томились в лагерях. Жуков попросил Сталина вернуть некоторых на фронт, и Сталин эту просьбу выполнил. Но что мешало Сталину освободить всех незаконно репрессированных командиров? На это нет ответа и сегодня.

Большинство наркоматов эвакуировалось в глубь страны. С началом войны у Ольги Сильвестровны появилась надежда на пересмотр дела мужа. Нужны же фронту грамотные боевые командиры... А что думали сами командиры разных рангов, томясь в тюрьмах и лагерях за колючей проволокой? Думали, конечно, о том же: почему они здесь, когда их место в боевых рядах действующей армии? Однако военная верхушка того времени во главе с Ворошиловым и Тимошенко были уверены в другом. Они считали, что способны наштамповать столько новых офицеров и генералов, сколько потребует обстановка.

И штамповали на быстротечных курсах, а чаще просто присваивали более высокие звания, назначали неподготовленных людей на более высокие должности. В результате — неумелое управление войсками, горечь отступлений. Лишь критическая обстановка в конце 1941 — начале 1942 года заставила Верховного главнокомандующего вернуть на фронт Рокоссовского, Горбачева и некоторых других генералов.

О чем размышлял в эти дни бывший командир Сталинградской дивизии и преподаватель тактики Военной академии, сидя у костра на стройплощадке производственной зоны или толкая на вахте вагонетку? Он не мог не понимать, что не только рядовые бойцы, но и звено младших и средних командиров плохо подготовлено даже к оборонительным боям, не говоря уже о наступательных операциях. Предвоенная доктрина: «Будем бить врага на его территории» обернулась для страны и армии трагедией. Можно представить, какие чувства испытывал комбриг Матсон, когда бои шли под Бобруйском, затем под Смоленском, где ему довелось служить.

Хуже того, пришли тревожные сводки о боях под Москвой. А от родных около года ни одной весточки. Но Москва выдержала невероятный натиск врага, и в эти дни редкий из заключенных не испытал радости.

Однако враг был еще очень силен. И когда сапоги гитлеровских солдат топтали дороги, ведущие на Сталинград, где, возможно, истекла кровью дивизия Матсона, он решил, что напишет письмо на имя Ворошилова, попросит направить в действующую армию в любом звании и на любую должность. Но и это прошение было подшито к его лагерному делу.

После пыток и издевательств был возвращен в армию Кирилл Мерецков. Знал ли он о судьбе своего бывшего однокашника по Военной академии? Не мог не знать, но и помочь не мог. И в судьбе Эйолфа Георгиевича никаких перемен не произошло.

Выехав вместе с Наркоматом бумажной промышленности из Москвы в Пермскую область, семья Матсонов поселилась в Краснокамске. Эйолф Георгиевич узнал об этом в марте 1942 года. Девочки за годы разлуки с отцом выросли. Ире исполнилось 15, Ильзе — 16 лет. В первый

класс предстояло идти Ярлику. Ольга Сильвестровна устроилась машинисткой-делопроизводителем в военный госпиталь. Когда принимали на работу, никто не спросил о судьбе мужа. Не до того было. Каждый день прибывали раненые, и персонал сбивался с ног. Госпиталь формировался с колес. Но в кадры кто-то шепнул, что на работу принята жена репрессированного по политической статье генерала. Машинистку решили было уволить, но начальник госпиталя, человек неробкий, категорически воспротивился, отвел неприятность от скромной старательной сотрудницы.

Через год с небольшим госпиталь эвакуировали. Начальник был дружен с военкомом города и рекомендовал ему на работу Ольгу Сильвестровну. Поначалу и здесь не придали значения тому, что она — жена репрессированного военного. Ольга Сильвестровна работала до 1946 года без каких-либо осложнений. А в мае этого года Эйолф Георгиевич вышел на поселение, стал работать начальником технического отдела на металлургическом комбинате, у него появилась возможность материально поддерживать семью. В Краснокамск ежемесячно приходили денежные переводы. Начальник военкомата проявил запоздалую бдительность: как так, его сотрудница получает помощь от политпосыльного? Пришлось Ольге Сильвестровне вынести еще одно унижение, уйти с работы. К счастью, в местном отделении Промбанка потребовалась опытная машинистка. Финансисты оказались людьми практичными, оценили ее деловые качества и добросовестность. Ольга Сильвестровна нашла окончательное трудовое пристанище, где трудилась до выхода на пенсию.

Росли дети, увеличивались расходы. Ильзе удалось устроиться в Краснокамске на фабрику Гознака, но кадровики не дремали, ей пришлось найти другую работу. Ольга Сильвестровна несколько раз перешивала старые одежды, чтобы дети ее, а тем более выросшие дочери, выглядели не хуже других. Ярлик был в семье общим любимцем, мама и сестры хотели сделать все возможное, чтобы он получил инженерное образование. О военной карьере для него в семье и думать не хотели. И действительно, после средней школы он окончил институт и стал инженером.

А Ира за высшим образованием уехала в Пермь. Случилось это неожиданно, ведь об учебе в другом городе она не думала. В Краснокамске ликвидировали организацию, где девушка работала, и на домашнем совете было принято решение отправить ее в Пермь, где она поступит в техникум, получит заводскую профессию, а потом при желании сможет продолжить учебу.

В техникум Ира поступила, получила место в общежитии. Училась старательно и обзавелась душевными подругами. Домой приезжала на каникулы, реже на выходные. Отец одобрил ее выбор и обещал помочь. Встреча с ним была уже не за горами. На третьем курсе у Иры начались неприятности, ее пригласили в отдел кадров. Задали вопрос, почему даже на комсомольском собрании она и словом не обмолвилась об отце? Подавленной ушла она после этой беседы и вечером взялась за письмо. Не домой, а самому товарищу Сталину!

Смело написала о том, что ее отец осужден по ошибке, что его оклеветали злые люди. А семье все эти годы не дают спокойно жить и работать. Всячески притесняли мать, а теперь и детям не дают возможности учиться. И еще в письме, вспоминала Ира Эйолфовна, были такие слова: *«Вы же сами говорили, товарищ Сталин, на всю страну, что дети за родителей не отвечают. И если бы даже наш отец был в чем-то виновен, то почему нас до сих пор нужно преследовать за его пререшения?»*

Написала, не стала даже перечитывать, сбегала к ближайшему почтовому ящику. А через несколько часов уже пожалела о своем поступке. Но сделанного не поправишь, и она стала молчаливо ожидать своей участи. Откуда ей было знать, что письма на высокое имя не уходили не только из тесных лагерных зон. Такие письма прочитывались компетентными органами на месте. Власти Перми сочли за лучшее оставить несмышленную девчущку в покое. Ира благополучно окончила техникум и поступила на заочное отделение Пермского (тогда Молотовского) института. Несколько забегаая вперед, скажем, что она успешно получила высшее образование и многие годы до выхода на пенсию работала в стенах Технологического научно-исследовательского института. Учреждение было номерным, но трудностей с оформлением на работу не возникло.

В гулаговских инструкциях и распоряжениях предписывалось не использовать на привилегированных должностях осужденных по статье 58. Но эти инструкции сплошь и рядом нарушались, поскольку другого выхода у администрации не было. Среди воров и уркаганов, как правило, не было врачей, инженеров и грамотных строителей. Знания и опыт политических часто использовали по прямому назначению. Отчасти это, а не только богатырское здоровье и несокрушимая сила духа, помогло выжить, выдержать десятилетний срок Эйолфу Георгиевичу. Лиха-то он хлебнул на многих участках, но с кайлом и лопатой работал, конечно, не весь срок.

Десять лет недоеданий, недосыпаний и неимоверного холода даром не прошли. У него развился туберкулезный процесс в легких и горле. В таком состоянии он вышел за ворота лагеря. Его ожидали еще пять лет жизни, как выражались бывшие зеки, с «намордником».

На вольном поселении Матсона пригласили на должность инженера планово-технического отдела металлургического комбината. Через полгода он возглавил этот отдел. Перемена в образе жизни все же была: небольшая, но отдельная комнатка в общем бараке, свободное передвижение по городу. Правда, о приглашении семьи нечего было и думать. Население Норильска состояло из трех социальных слоев, скованных одной лагерной цепью. Первый слой — это заключенные, их было большинство. Они выполняли основную и самую тяжелую работу, строили комбинат и город.

Второй слой жителей города составляли «лишenci», то есть бывшие зеки, отбывшие основной срок по приговору, но не имевшие права покинуть место поселения в течение пяти лет. И, наконец, третий слой — лагерная обслуга, администрация и охрана, их семьи.

Рабочий день на комбинате не ограничивался восемью часами. К тому же в цеха поступало немало иностранного оборудования с инструкциями на чужих языках, и эта работа по переводу документации тоже отнимала у инженера Матсона много времени.

В зоне можно было писать раз в полгода одно письмо на волю. Теперь же в переписке никто не ограничивал. И он взял за правило

писать домой два раза в месяц. Ежемесячно высылал денежный перевод. Более того, через специальную справочную службу он сумел установить адрес матери жены в Мурманской области, куда она была эвакуирована из Петрозаводска, даже сообщил об этом Ольге Сильвестровне. Нашел возможность и ей оказывать посильную поддержку.

Разыскал он и детей своего давнего друга Эдварда Гюллинга. Его дочь Лена жила в Ижевске, сын Вальтер — где-то в Сибири. Позже Вальтер переехал в Тулу и там обособился с семьей. Работал он инженером по строительству дорог.

Работа увлекла Эйолфа Георгиевича, скрашивала его несвободную свободу, и только в труде он видел смысл своего тамошнего пребывания. Но болезнь давала о себе знать. А поскольку для комбината он был человеком полезным, профком предприятия выделил ему путевку в санаторий в город Канск той же Красноярской области. Отпуск был предоставлен на 24 дня, а с выходными — почти на месяц. Этот срок на целую неделю превышал срок лечебного курса. Возникла робкая мысль использовать оставшиеся дни для поездки в Краснокамск. Говорить об этом с органами надзора смысла не имело. Но и не воспользоваться такой редкостной возможностью он не мог. В тот же вечер, когда кончался срок пребывания в санатории, он сел в поезд и выехал на Урал.

Проводница принесла крепкий горячий чай. Он жадно всматривался в сибирские пейзажи за окном. Ведь за эти двенадцать лет он Сибири по-настоящему и не видел. Одолевали дорожные думы. Как его встретят в семье? Дочери-то еще не забыли, а вот выросший без него сын вряд ли помнит отца. Господи, как он тосковал по ним все эти годы! Неужели через несколько часов увидит их?

В этом месте мне трудно удержаться от цитаты из художественно-исторического исследования Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»: *«А еще на воле бывшим зекам — встречи. Отцов с сыновьями, мужей с женами. И от этих встреч не часто бывает доброе. За десять, за пятнадцать лет без нас сыновья не могли вырасти в лад с нами: иногда просто чужие, толь-*

ко фамилия прежняя. Слишком разный опыт жизни у него и у ней — и снова сойтись им уже невозможно».

Ольга Сильвестровна и была из тех немногих, которые, по словам писателя, «были вознаграждены за верное ожидание мужей». В том же норильском лагере отбывал свой десятилетний срок оклеветанный поэт из Магнитогорска, ставший после реабилитации знаменитым, Борис Ручьев. И тоже с вольного поселения слал своей любимой на Урал письма, и вот это золото душевных строк:

*Когда бы мы, старея год от года,
С тобой бок о бок жили бы вдвоем,
Я, верно, мог бы лгать тебе в угоду
О женском обаянии твоём.
Я, верно, посчитал бы невозможным,
Что здесь в краю глухих полярных зим,
В распадках снега, сумерках таежных,
Ты станешь Красным Солнышком моим.*

Таким неугасимым красным солнышком для Эйолфа Георгиевича была в его «таежных сумерках» Ольга Сильвестровна. Той памятной ночью в сентябре 1949 года под окнами квартиры, где жили Матсоны, появился пожилой высокий человек с небольшим дорожным чемоданом. На улице — ни души. Это было только на руку пришедшему, лишние свидетели ни к чему. Ночной гость осторожно постучал в окно квартиры.

Первой проснулась Ольга Сильвестровна. Все годы она жила ожиданием мужа, и потому ей не показалось невероятным, когда, подойдя к окну, она распознала его негромкий голос:

— Олюся, это я. Открой потихоньку дверь.

Только муж называл ее дома таким именем. И вот через тринадцать лет оно вновь прозвучало. Ярл спал, будить его не стали. А Ильза нехотя проснулась, оторвала от подушки голову:

— Кто там, мама?

— Встань, доченька, отец приехал, — а сама в легком халатике выскочила за дверь.

Нелегко далась ей эта встреча после столь долгой разлуки. Ноги у нее подкосились, и Ольга Сильвестровна беспомощно повисла на шее у мужа. На руках он внес жену в комнату.

Ира была в Перми. На обратном пути отец за-

едет к ней на несколько часов, они будут гулять по городу и рассказывать друг другу обо всем.

А там, в Краснокамске, в первые минуты встречи никто не мог толком говорить. Молча пили чай и долго смотрели друг на друга. Все изменились, нужно было привыкнуть даже к внешним переменам. Время для застолья было неподходящим, но сама встреча была столь радостной и неожиданной, разговор мало-помалу наладился. Ольга Сильвестровна достала заветную бутылку ликера, которую ей подарили в госпитале на день 8 Марта. До утра в ту ночь они не смыкали глаз. И только Ярл проснулся в свой положенный час. С удивлением обнаружил в доме незнакомого высокого человека и вопросительно посмотрел на мать.

— Ярлик, к нам папа приехал.

Долговязый пятнадцатилетний мальчуган смущенно подошел к отцу и протянул руку:

— Здравствуй, папа, как долго тебя не было! — он не знал, что еще следовало сказать в эту минуту.

— Здравствуй, мой сын! — отец привлек его к своей широкой груди, и горькая скупая слеза, может быть, первая за все эти годы, скатилась по его лицу.

— Я не виноват, сын, что ты вырос без меня. Ну да ладно, мы еще с тобой обо всем успеем поговорить. Тебе ведь скоро в школу? Об одном пока прошу тебя: никому о моем приезде не говори. Я всего на три дня, нелегально. Эти дни остались от санаторного лечения. Не мог не повидать вас.

— Всего-то на три дня! — огорченно воскликнула Ольга Сильвестровна. Она поначалу подумала, что мужа досрочно освободили за хорошую работу, а дать весть о своем приезде он не мог.

— Успокойся, Олюсенька, теперь уже осталось меньше двух лет, тогда выйду подчистую. Приеду, и решим, как жить дальше, что делать.

Три дня с семьей — это и мало, и много, когда в беспрестанных думах и минута свидания казалась бы подарком судьбы. Днем Ольга Сильвестровна достала из шкафа его парадную гимнастерку. Среди немногих вещей она взяла ее с собой на память. Горькая встреча с прошлым сладостной болью отозвалась в душе

бывшего генерала. Он подошел к зеркалу: не похудел, хоть снова в строй. Грустно вздохнул, подошел к жене, поцеловал ее:

— Спасибо, родная, что сохранила и эту дорогую мне память.

Посмотрел на дочь: взрослая совсем стала. Встретил бы на улице, не узнал. И вновь расспросы, расспросы о том, что не могли они ему сообщить в письмах.

Рано утром Ильза ушла на работу, а Ярл в школу. Ольга Сильвестровна позвонила в свою контору и, ссылаясь на недомогание, взяла отработанный отгул. При детях о своих тюремных и лагерных невзгодах отец говорить не стал, но жене решил кое-что поведать. Ведь рано или поздно она должна узнать всю правду. Рассказывая, он сглаживал самые кошмарные моменты, умолчал о том, как его на допросах мучили следователи, как незаслуженно томился в камере и о том, как не предал своих петрозаводских друзей, несмотря на угрозы. Не мог он не рассказать ей и о том, как во время следствия его уверяли, будто и жена тоже арестована и сидит в соседней камере на допросах. Ольга Сильвестровна молча слушала, и глаза ее наполнились слезами. Чтобы покончить с этой темой, у которой не будет конца, он решительно сказал:

— Да что там много рассказывать, Олюсенька. Тамошняя жизнь у меня еще не была самой паскудной. Насмотрелся я там на многое, так что и тебе, и особенно ребятам лучше этого не знать. Выжил, почти свободен, вас увидел, и это уже счастье.

Три дня промелькнули незаметно. Но теперь уже для Эйолфа Георгиевича свет в домашнем окошке стал реальным, а не призрачным огоньком. Горьким был час расставанья. Поезд уходил в ночь, что тоже оказалось кстати. Он уговорил не провожать его, попрощались дома без свидетелей.

Прибыл на место вовремя, никто вопросов не задавал. Домой дал весточку, что прошел курс санаторного лечения и чувствует себя хорошо.

Но вот закончился и срок поселения. Эйолф Георгиевич вернулся домой насовсем. В этой схватке с несправедливостью, с беззаконием и людскими пороками генерал Матсон одержал победу. Он вышел на свободу, как выходил из

вражеского окружения со своим батальоном по льду Кедрозера. Но там был враг видимый. С ним можно было открыто бороться. А тут кто враг, а кто свой, еще долго предстоит разбираться. И в отделах кадров люди врагами не были. Но, прежде всего, именно они не желали притуплять оружие «бдительности». Известно, что руководили этими отделами отставные чекисты или прожженные бывшие аппаратчики. А на крупных предприятиях вплоть до 80-х годов еще существовали и спецотделы.

Со всем этим пришлось столкнуться Эйолфу Георгиевичу. Еще трудно было отделаться от чувства несвободы, когда на любые отлучки за черту города нужно было испрашивать административное разрешение, жить под постоянным ощущением надзора. Преодолеть этот психологический барьер отчужденности от нормальной жизни помогли сердечная теплота родных людей, семейный уют. Не так-то просто обстоит дело с устройством на работу. В первые дни хождения по отделам кадров двери предприятий были для него закрытыми.

Заглянем в некоторые страницы книги Айно Куусинен «Господь низвергает своих ангелов», в те, на которых она рассказывает о своих поисках работы и места в жизни на свободе. Айно Куусинен хорошо знала Эйолфа Георгиевича еще по годам работы на III Конгрессе Коминтерна и, видимо, по делам, связанным с разведывательными заданиями. А потому мое обращение к страницам ее книги будет неслучайным.

Выйдя на волю из Воркутинского лагеря, она тоже длительное время не могла найти работу и оформить прописку. А к своему знаменитому бывшему мужу, государственному и партийному деятелю, заместителю председателя Президиума Верховного Совета СССР, предавшему ее, обращаться не хотела. «Политических заключенных боялись, как чумы», — пишет она. В мае 1946 года родственники и друзья устроили ей встречу с одним из высокопоставленных генералов милиции. Был проблеск надежды, но и здесь сорвалось. Генерал этот хорошо знал Карелию и многих работников руководящего звена довоенного времени. Он спросил Айно, знает ли она Гюллинга, Ровио и Матсона? Характерно, что имя Матсона было названо в ряду первых в республике лиц. Знал ли генерал,

что в эти дни Матсон только что вышел из-за колючей проволоки на поселение?

Помочь милицейский чин не смог, его судьба оказалась трагичной. Он попросил Айно позвонить через неделю и уехал в командировку во Львовскую область, получив задание подавить «бандитский мятеж». Вернулся в Москву, доложил начальству, что «мятеж» подавить не мог, что не с бандитами пришлось иметь дело, а с движением украинских националистов. Когда-то гонцов, приносящих дурные вести, расстреливали. Так поступили и с генералом.

Эйолф Георгиевич тем временем продолжал искать работу, и хотя специалисты с высшим техническим образованием в городе нефтяников и строителей требовались, в отделах кадров он получал отказы. В конце концов его взяли рядовым экономистом на отдаленный от города участок треста «Краснокамскнефтьстрой». Ездить на работу было хлопотно, но иного выбора не представлялось. Шло время, и по мере того, как он вникал в технические проблемы, в интересы коллектива, грамотно предлагал решение тех или иных задач, его стали ценить и вскоре перевели на центральный участок в город с повышением.

Общительный, доброжелательный, он быстро сходился с людьми. В коллективе его стали уважать и ценить не только как хорошего специалиста, но и как человека, на слово которого можно положиться. По мере сил Матсон стал участвовать в общественной жизни своего треста и города. Хороший шахматист, он при стадионе организовал шахматную секцию и регулярно проводил городские соревнования. Сам был при этом главным судьей. Его шахматные обзоры охотно публиковала местная газета.

Страна год за годом медленно, но неуклонно оправлялась от урона, нанесенного войной. В магазинах, особенно в промышленных городах, все больше стало появляться продуктов питания, предметов первой необходимости. Люди стали жить чуточку лучше, и здравицы в честь товарища Сталина и его мудрой политики все громче звучали на казенных банкетах и даже на семейных торжествах.

Кончина вождя не огорчила Эйолфа Матсона. Осужденные по политическим статьям за

долгие годы отсидок начинали понимать, кто был подлинным виновником их трагедий. Они осознавали и то, что после смерти вождя перемены в обществе неизбежны. На траурный городской митинг Матсону идти не хотелось, но не идти он не мог.

Перемены ждать не заставили. Летом того же года был арестован Берия. Правда мучительно пробивалась к свету. Люди с интересом присматривались к смелым шагам Хрущева, занявшего пост первого секретаря Центрального Комитета партии.

В 1957 году Хрущев заявил о незаконных репрессиях и необходимости возвращения к ленинским нормам жизни. Эйолф Георгиевич, не откладывая дела в долгий ящик, сел за письмо Главному Военному прокурору, которое я ранее привел. То ли дела такого рода решались тогда быстро, то ли убедительный и благородный тон этого послания сыграл свою роль, но уже 9 мая того же 1957 года Военной Коллегией Верховного суда, тем самым органом, которым он был осужден, Матсон был реабилитирован.

Вот эта справка, присланная семье по запросу спустя годы.

**ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**

28 февраля 1994 года. № 4-Н– 021065/56.
МОСКВА, ул. Поварская, д. 15

СПРАВКА

Дело по обвинению Матсона-Игнеуса Эйолфа Георгиевича, 1897 г.р., до ареста начальника группы Военной академии им. Фрунзе, комбрига, необоснованно осужденного по ст. 58-10 и 19-193-22 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения, пересмотрено Военной Коллегией Верховного суда СССР от 9 мая 1957 года.

Приговор Военной Коллегии от 1 июня 1937 года в отношении Матсона-Игнеуса Э.Г. отменен, и дело прекращено. Матсон-Игнеус Э.Г. по данному делу реабилитирован.

**Зам. начальника Военной Коллегии
Верховного суда Российской Федерации
В. Полунянов**

После реабилитации и возвращения всех наград Эйолф Георгиевич решил восстановиться в партии. В райкоме предложили найти несколько поручителей, как будто сам факт полной реабилитации был недостаточным поручительством. И пришлось, словно опять в чем-то оправдываясь, собирать справки и другие документы. Матсон знал, что в Москве живут боевые подруги из его батальона, воевавшего на Заонежском фронте. Тойни Мякеля и Анна Хартикайнен-Валли быстро откликнулись. Матсон, верный врожденной честности и деликатности, просил боевых подруг написать о нем то, что они сами посчитают нужным, ни в коей мере не приукрашивая его поступки и черты характера.

Анна Матвеевна Хартикайнен-Валли в первом же письме упрекнула его за излишнюю скромность и написала, что их дружба «проверена суровым временем и закалена в боях» и потому ей ничто не помешает сказать о своем командире самые добрые слова.

Но лучше всего об этом расскажут письма Матсона.

1

**Анне Матвеевне Хартикайнен-Валли.
Краснокамск. 14.08.1957 г.**

Спасибо за письмо, за добрые слова и пожелания. Из твоего письма я понял, что те симпатичные девушки из санитарного взвода не были ко мне равнодушны, в том числе и ты. Но я был о себе невысокого мнения и потому, наверно, не замечал их взглядов. А теперь можно сказать словами поэта: «А счастье было так возможно...»

Как только подумаю о тех прошедших днях, так встанут картины наших походов и сражений. Много было, наверно, неоправданного, и после тяжелого опыта жизни не раз приходили мысли о том, что все те годы были для нас большой романтикой. И если иногда «летели щепки», не говоря уже о деревьях, которые «вырубались», то в этой буре можно было выстоять, имея лишь крепкие корни. Кажется, удалось выстоять и многим из нас.

Нам пришлось пройти через лишение и порой невероятные трудности, но наша жизнь не была

растворена в мелкобуржуазной стихии. Мы испытали великие потрясения и стали свидетелями грандиозных событий. Эта участь избранных людей на арене жизни больших преобразований. Я мог бы сказать словами Сократа: «Благодарю олимпийских богов, что мне было суждено родиться во времена Перикла и стать свидетелем и участником его славных деяний».

2

Краснокамск. 08.09.1957

Пришел приказ из Министерства обороны, которым мне возвратили воинское звание, правда, не бригадного генерала, а полковника. Вначале меня это огорчило. И я даже обратился за разъяснением в приемную Хрущева. Но мне пришло разъяснение, что это тоже высокое звание и соответствует якобы довоенному генеральскому. Я не стал спорить против этих очевидных натяжек. Приказ позволяет мне носить форму. Дали хорошую пенсию. Сегодня же из отдела кадров Министерства обороны получил от генерала Голикова и хорошую аттестацию. Отнесу в райком партии.

3

Краснокамск. 27.09.1957 г.

Вчера был на заседании райкома партии. Решалось мое дело. Из беседы и выступлений членов райкома я понял, какую большую работу проделала в последние годы партия по восстановлению партийных норм и возвращению добрых имен незаслуженно репрессированным. Я сам, к сожалению, оказался зернышком в этой гигантской мельнице лжи, наветов и слепой борьбы с так называемыми врагами народа. Мнение на бюро было единодушным: восстановить меня в партии с сохранением моего стажа с 1918 года. Я был настолько взволнован и взбудоражен и этими выступлениями, и своими мыслями, что едва нашел выход.

Подумать только, что и я в своей жизни пережил много такого, о чем не поведать во всех этих письмах и малой доли всего произошедшего за эти годы. Можно сказать, что я прокипячен

в семи жизненных бульонах. Я был удивлен услышать в свой адрес столько добрых и достойных слов удивления и сочувствия, что и сам удивился, что все это вынес и пережил. На досуге я даже попытался написать о своих жизненных злоключениях повествование в духе «Кантелетар» на мотив «Калевалы».

4

Краснокамск. 29.06.1960 г.

Моему внуку Саше, сыну Ильзы, осенью будет семь лет. Он молодец, приобщается к спортивным играм. На городском стадионе среди детей своего возраста в соревновании на велосипеде он занял второе место. Я очень хвалю его за это увлечение. Зря не пройдет. А другому внуку, меньшему, Юре — пять лет. Драчун среди сверстников. Особенный парень. Говорит на каком-то своем жаргоне. Как-то зашел за ним в детский садик и попросил его на английском языке прокатить свою машинку. Он все понял и проделал это в присутствии воспитателей. Он ведь несколько месяцев был на «бабушкином курорте» (так Матсон говорит о месяцах, когда внук жил с ним и Ольгой Сильвестровной во время отъезда родителей. — И.К.), и когда мы с ним гуляли, то я разговаривал с ним на английском языке.

Сегодня прочел в финской газете «Кансаутиус» о сестре и ее муже. Они выслали мне и Люсе (в семье Ольгу С. ласково называли Люсей. — И.К.) приглашение приехать в гости. Я подготовил документы и в них указал о своем воинском звании и членстве в партии. Впустят так впустят — никого упрашивать не буду, как и ничего о себе утаивать...

Вскоре после реабилитации Эйолф Георгиевич захотел показать жене Аландские острова, откуда он вышел в мир; их природную красоту, родительский дом. Но первые два года разрешения на выезд ему не давали. С третьей попытки разрешение было получено, и они с Ольгой Сильвестровной уже стали думать о поездке. Но внезапно он почувствовал серьезное недомогание, поездка была отложена.

В Петрозаводске же они с Ольгой Сильвестровной побывали вскоре после его реабилита-

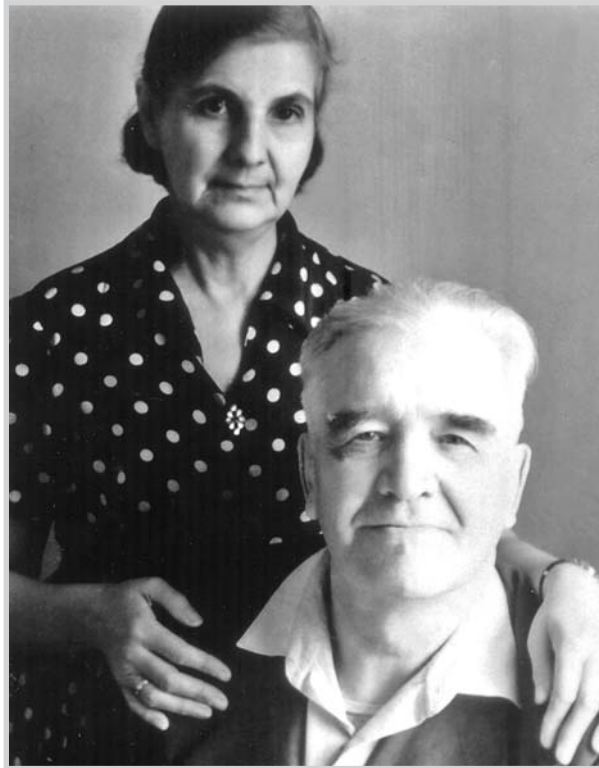

ции летом 1958 года. Об этой поездке родителей вспоминала в своем письме ко мне Ильза Эйолфовна: «Помню, мама рассказывала о таком эпизоде: в Петрозаводске они покупали в киоске газеты. Отец о чем-то заговорил и засмеялся. А финны тут же оглянулись и поприветствовали его: «Терве, Эйолф». Гуляя по городу, Матсон заглянул во Дворец культуры и разговорился со старым столяром, тоже участником Гражданской войны. Назвал себя. Старик не поверил и сказал: «Не шутите, имя Матсона до сих пор памятное среди людей нашего поколения. Это ведь единственный генерал из красных финнов. А Матсон погиб в 1937 году». «И, тем не менее, я — Матсон», — ответил Эйолф Георгиевич. И поправил старика: «Только я не единственный генерал из красных финнов, но среди нас пятерых мне было первому присвоено это звание».

Мечта Эйолфа Георгиевича обосноваться в Петрозаводске, к сожалению, не осуществилась.

Побывали Матсоны и в Кеми, где он навестил могилу незадолго до этого скончавшегося старого друга Вернера Форштейна. Познакомились они с Вернером еще в студенческие годы в Хельсинки. Оба работали в финском революционном правительстве, Матсон — в министерстве финансов, а Форштейн — в министерстве связи. Он и в Кеми в послевоенные годы возглавлял районную связь. А до этого занимал пост председателя райисполкома Калевальского района, был репрессирован и тоже вынес многочисленные тюрьмы, пересылки, лагеря.

В деревне Половина в Пряжинском районе Карелии Матсон поклонился могиле еще одного друга военной молодости — Викинга Сивелиуса. В этих местах Сивелиус во время ожесточенной схватки был смертельно ранен и предан земле под оружейные залпы боевых товарищей, бойцов первого интернационального батальона. Позже его прах был перевезен в Петрозаводск и ныне покоится в могиле братских захоронений возле Вечного огня.

*Э. Г. Матсон с Ольгой Сильвестровной.
Последние годы жизни.*

Осенью 1950 года студентка Пермского индустриального техникума Ира Игнеус шла на электричку, уезжая из Краснокамска в Пермь. Издали она увидела человека, сидящего на своем чемодане на обочине дороги. «Устал, — подумала она, — издалека, знать, попадает». Подошла поближе, взгляделась: «Боже мой, отец! Вот будет радости у матери, Ильзы, Ярла», — подумала она. Объятия, слезы радости... Отец вернулся домой, а ей уезжать. С такими мыслями она распрощалась с отцом на неделю или две.

Почему-то именно эту встречу чаще других эпизодов, связанных с памятью об отце, вспоминает Ира Эйолфовна. Может быть, потому, что тогда он вернулся уже навсегда.

На этом автор хотел поставить точку в своем повествовании, но неожиданно узнал, что у Матсона есть еще одна дочь — Эльна, родившаяся в Москве в 1924 году от первого — гражданского — брака в период его учебы в Высшей военной академии.

В 1922 году Эйолф Георгиевич неожиданно встретился в Москве со своей соотечественницей из Хельсинки Дизой Энгстрем. Ее дед был обрусевшим шведом. Служил в пароходстве главным бухгалтером, вел переписку со многими компаниями в европейских странах и знал немало языков, которым учил детей. Его жена Руфь Георгиевна была англичанкой, дочерью английского консула. На родину с родителями не вернулась, предпочла безмятежному благополучию под родительским кровом жизнь с любимым человеком, пусть со скромным достатком. В доме Энгстремов царил дух революционного романтизма.

Диза Эдуардовна окончила лицей в Хельсинки. Молодая революционерка оказалась в гуще студенческих волнений, сходов. В это время произошла ее первая встреча с Эйолфом Матсоном, студентом выпускного курса Политехнического института. По словам Эльны, он был необузданным романтиком с горячим темпераментом и со светлой верой в революционные преобразования. Тогда он с головой ушел в революционную работу и вступил в ряды социал-демократической партии. Но дружба молодых людей неожиданно прервалась, и судьбы их разошлись...

И вот они встретились в Москве. Оба еще молоды, не обременены семейными узами. Ее, как и Матсона, привлекали к работе в Коминтерне.

Ссылаясь на беседы с отцом, Эльна Эйолфовна рассказала, что в студенческие годы у него было двое преданных друзей: Тойво Антикайнен и Аллан Валениус, известный в те годы поэт. Эта дружная тройка входила в нелегальный марксистский кружок, которым руководил молодой талантливый профессор Ю.К. Сирола.

Аллан Валениус был расстрелян в 1937 году.

Из писем Эльны Эйолфовны я более подробно узнал о родителях ее отца. Родился и вырос он в местечке Мариехамн на Аландских островах. На русский язык название местечка переводится как «Гавань Святой Марии». Основанная императором Александром II, она служила форпостом русского флота на Балтике. Эйолф Георгиевич был финским подданным шведского происхождения, и шведский язык был в доме основным. Отец Матсона яв-

лялся крупным судовладельцем, а не банкиром, как об этом писали некоторые журналисты. Мать, урожденная Миттлер, по линии отца происходила из известного немецкого баронского рода. Она была красивой и весьма своенравной женщиной. Некоторыми чертами характера, утверждает Эльна Эйолфовна, она была обязана своей матери — цыганке.

Отец Эльны Эйолфовны, как ей представляется, от своего отца унаследовал аналитический ум и склонность к техническим наукам, от матери — искрометную живость и музыкальность. Обладал красивым баритоном. Был открыт и приветлив с друзьями, мог стать душой общества в веселых компаниях. При высоком росте имел пропорционально-атлетическое сложение, безукоризненную выправку.

Эльна родилась в 1924 году, когда ее отец уже служил в Карелии. Будучи заместителем, а потом и начальником штаба погранвойск, он начал организовывать пограничные заставы, обустривал границы по существу на пустом месте. Не было ни казарм для личного состава, ни полигонов для занятий, не говоря уж о квартирах для командиров. Граница невидимой линией пролегла через сплошные леса, скалы, голубые ленты рек и озер.

Собственной квартиры у Матсона не было, а Диза с маленьким ребенком на руках не могла решиться выехать из центра столицы, оставить квартиру со всеми удобствами и приходящей няней. Не могла и бросить полюбившуюся ей в Наркомате иностранных дел работу. Оба решили, что со временем все образуется. Но ничего само собой не устраивается, особенно в делах семейных. И даже переписка между молодыми супругами постепенно сошла на нет. Стало ясно, что Диза в его «лесную глушь» не приедет, а он — человек военный, не был волен в своем выборе.

На одном из вечеров в гарнизонном клубе он впервые увидел молодую симпатичную девушку, двадцатилетнюю красавицу Ольгу Деменчук. Своей скромностью и здравыми суждениями о жизни она понравилась Эйолфу Матсону, и вскоре он с присущей ему решительностью предложил ей стать его женой. Предложение было принято, молодые люди вскоре поженились.

Изредка бывая по делам службы в Москве,

Матсон навещал дочь, приносил подарки и гостинцы. С Дизой сохранились ровные дружеские отношения. А спустя несколько лет Диза Эдуардовна вышла замуж за первого политического наставника Эйолфа — Юрье Си-рола. Матсон продолжал дружить с обоими.

За полгода московской жизни, после приезда из Сталинграда, Эйолф Георгиевич несколько раз навещал дочь, которой было уже около двенадцати лет. Эти встречи она запомнила хорошо. Но по-настоящему она узнала отца с наступлением хрущевской оттепели и началом кампании по реабилитации политзаключенных. Эльна настояла, чтобы он прибыл в Москву и оформил на месте необходимые документы. А сама бегала по всем нужным органам, чтобы облегчить ему эти хождения. И Эйолф время от времени снова стал появляться в Москве. Останавливался он в доме вдовы своего покойного друга Тойво Антикайнена — Тойни Мякеля.

И еще один любопытный факт сообщила мне Эльна Эйолфовна. В романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» есть фрагмент, рассказывающий, как коммунисты одного крупного лагеря готовят восстание. И в этой главе среди других эпизодических лиц фигурирует и крупный военачальник шведского происхождения. Во всех опасных и рискованных ситуациях он сохраняет выдержку и благородие. Сочувствуя товарищам по неволе, он, тем не менее, выступает против восстания, обреченного на провал, поскольку видит трагические последствия не только для активных

участников, но и для многих других заключенных. Эльна Эйолфовна убеждена, что прообразом этого бывшего военного послужил ее отец, так как в Советской Армии другого шведа в генеральском звании не было.

Она написала мне, что в инстанциях, в которые Матсону пришлось обращаться, его встречали с сочувствием и пониманием. А в Главной Военной прокуратуре показали документ, из которого вытекало, что его уже давно нет в живых. Об этом он рассказывал с грустной иронией. Эльне Эйолфовне казалось, что в его глазах читался один вопрос: «Кому и зачем все это было нужно?»

И вот полная реабилитация! Внешне все словно вернулось на круги своя, да вот жизнь-то по большому счету уже прожита, и вернуть годы невозможно. Продолжать военную карьеру поздно. Становится тихим пенсионером рановато. Но бывший боевой генерал нашел место в череде новых событий и забот, встретил новых друзей. И еще много лет был счастлив в семейной жизни. А сколько было радости, когда дождался внуков! И жалел на старости лет лишь о том, что так и не удалось съездить с женой на родные Аландские острова и поселиться в Петрозаводске.

□

Иван КОСТИН –

поэт, прозаик.

Родился в заонежской деревне Хашезеро (1931 г.).

Автор стихотворных сборников «Полет»,

«Озерные песни», «Запах росы», «Заонежье мое» и др.

С 1971 г. – член Союза писателей России.

Кавалер ордена Дружбы.

